

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсѣц. . 6 р. —
на 6 мѣсѣц. . 5 р. —
на 3 мѣсѣц. . 3 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за Границею

на годъ 14 руб.
Отдѣльн. номера по 20 к.
Объявленія печатаются по
15 коп. за строку на по-
слѣдней страницѣ и по
30 коп. на первой.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья и требованія адресуются въ ред.
СНБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СНБ.
Кавалергардская ул., д. 20, кв. 5, а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНИЕ: Наши задачи и средства на Востокѣ—Хроника. — Корреспонденціи: изъ Минусинска, Томска и Вѣрнаго. — Путешествіе по Китаю Г. Н. Потанина. — Кастера о Сибири. В. И. Вашина. — Въ деревню! (Изъ записокъ сибиряка). Сибиряка. — Хроника жизни за недѣлю. — Библиографія: Амуръ и Уссурийскій край. — Объявленія.

ПОДПИСКА НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1885 году продолжается.

Годовые подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“ полу-
чаютъ бесплатно

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ“

собраніе научныхъ и литературныхъ статей
о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ.

(496 стр.; съ 2-мя таблицами рисунковъ).

Полугодовые подписчики приплачиваютъ за „Сборникъ“ 1 руб.

Годовые подписчики газетъ: „Сибирь“ и „Сибирская Га-
зета“, приобретающіе „Сборникъ“ чрезъ редакціи означенныхъ
газетъ, получаютъ послѣдній за половину цѣны, т. е. за
1 руб. 25 коп.

Для прочихъ лицъ цѣна „Сборника“ безъ пересылки 2 р. 50 к.

Иногородніе, обращающіеся непосредственно въ контору
нашей газеты (С.-Петербургъ, Кавалергардская, д. № 20,
кв. № 5), за пересылку „Сборника“ не платятъ.

При конторѣ „Вост. Обозр.“ подписка на „Сибирь“ и
„Сибирскую Газету“ продолжается.

НАШИ ЗАДАЧИ И СРЕДСТВА НА ВОСТОКѢ.

Афганскій, а съ нимъ и средне-азіатскій вопросъ, въ
послѣднее время снова привлекаетъ общее вниманіе. Послѣ
недавнихъ столкновеній на границѣ афганскихъ владѣній,
вопросъ этотъ, улаженный на минуту дипломатически, вы-
ступаетъ съ новою силою. Въ глазахъ нашихъ политиковъ
онъ получаетъ не временный, мимолетный характеръ полити-
ческихъ столкновеній и конфликтовъ, но рисуется вопросомъ
исторической неизбѣжности и важности. Вотъ что, напри-
мѣръ, мы читаемъ въ одной изъ руководящихъ статей „Мос-
ковскихъ Вѣдомостей“:

«Англичане весьма туго понимаютъ ту истину, что, стремясь
къ упроченію своей власти въ Азій на новомъ основаніи со-
предѣльности съ Афганистаномъ, Россія приближается къ осу-
ществленію своей исторической задачи, что принципиально рѣ-
шить оную мы твердо намѣрены на этотъ разъ. Они упорно
хотѣли бы остаться при иллюзіи, что дѣло идетъ о какой-то
дипломатической игрѣ, которую та и другая сторона увлекаются
изъ побужденій самолюбія, готовясь въ крайнемъ случаѣ при-
мириться и съ проигрышемъ. Нечего, кажется и говорить, что
въ отношеніи къ Россіи такой взглядъ не имѣетъ смысла и что,
судя о насъ такимъ образомъ, Англія мѣритъ насъ своимъ ар-
шиномъ. Что ея касается, то, усиливаясь создать для себя на
нашъ счетъ новый циклъ средне-азіатскихъ интересовъ, она дѣй-
ствительно руководится не то самолюбіемъ, не то стяжатель-
ностью, а вѣрнѣе, что и тѣмъ и другимъ одновременно. Мы
же движимы въ данномъ случаѣ ни болѣе ни менѣе какъ не-
обходимостью достигнуть, наконецъ, заслуженнаго отдыха послѣ
вѣковныхъ блужданій на просторѣхъ степенъ, тѣхъ степеней, кои нѣ-
когда извергали орды разрушителей на культурную Европу и
еще недавно были грозой для относительно культурной Персіи.
Мелочное самолюбіе, въ видѣ погони за прес-ти-жемъ на зем-
ляхъ сосѣдей, не играетъ никакой роли въ нашемъ образѣ дѣй-
ствій».

Далѣе слѣдующимъ образомъ рисуется необходимость
занятія плодородныхъ оазисовъ Средней Азій:

«Плодородіе окранныхъ необходимо намъ, слѣдовательно, какъ
базисъ и гарантія предстоящей колонизаціи; онъ же должно слу-
жить и цѣлямъ безопасности, какъ источникъ продовольствія
для пограничныхъ и внутреннихъ гарнизоновъ. Таковы или при-
близительно таковы цѣли и потребности, сознание коихъ должно
руководить Россію при осуществленіи своего потомъ и кровно
добытаго права въ Средней Азій».

Смотря съ точки зрѣнія историческихъ интересовъ, га-
зета, руководящая русской политикой, доказываетъ, что ди-
пломатическія временныя комбинаціи и сама дѣятельность
дипломатовъ играютъ крайне второстепенную роль, въ виду
болѣе сильныхъ историческихъ и культурныхъ стимуловъ:

«Степень необходимости и миролюбія, выказываемыхъ ди-
пломатами, имѣетъ здѣсь лишь весьма преходящее значеніе,—пи-
шутъ „Московскія Вѣдомости“. Дѣйствительное рѣшеніе должно
и будетъ принадлежать борьбѣ реальныхъ интересовъ и сравни-
тельной способности обоихъ государствъ къ поддержанію притя-
заній своихъ на дѣлѣ».

Останавливаясь на этой статье, мы не можем не припомнить другого взгляда уже из брошюры по афганскому вопросу, изданной недавно и пытающейся также выиснить наши азиатскія дѣла, какъ задачи историческаго призванія, причемъ авторъ связываетъ наше военное движеніе также съ историко-культурнымъ вопросомъ. Вотъ что говоритъ С. Н. Южаковъ въ своей брошюрѣ „Англо-русская распря“, характеризуетъ призваніе Россіи на Востоку и выражая неизбежность столкновенія Россіи съ Англіей:

„Весь міръ, европейскій и азиатскій, давно ожидаетъ этой войны и давно почитаетъ ее неизбежною. Она и будетъ. Сегодня ли, завтра, или еще позже, изъ-за Пенде, изъ-за Кореи, изъ-за Босфора, или изъ-за дипломатической щепетильности, но она будетъ,—это все знаютъ и чувствуютъ, хотя и не все высказываютъ и не все сознаютъ. Ясно, слѣдовательно, что не въ Пенде и не въ разногласіяхъ двухъ рапортовъ слѣдуетъ искать смысла надвигающейся грозы. Историческій смыслъ событій вскрывается далеко не такъ просто и его объясненіе лежитъ даже не въ одной политической исторіи сталкивающихся странъ, а во всей совокупности ихъ культуры, быта, исторіи, ихъ историческихъ условий и задачъ.

„Міровыя войны, началомъ которыхъ можетъ быть предстоящая англо-русская, тоже не могутъ быть не чѣмъ инымъ, кромѣ борьбы міровыхъ историческихъ силъ, міровыхъ началъ, принциповъ, общественныхъ группъ и интересовъ. Ими, этими міровыми войнами, должна опредѣлиться снова общественная физіономія цивилизованнаго міра, направленіе его исторіи, ближайшій характеръ его культуры. Вуржуазный капиталистическій режимъ, дошедшій (въ Европѣ) до самаго крайняго выраженія именно въ Англіи и притомъ именно въ лицѣ Англіи перенесшій свое господство и въ международныя отношенія,—этотъ режимъ встрѣчаетъ въ лицѣ Россіи страну не вуржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идеѣ крестьянства; борьба между двумя міровыми колоссами повелѣтъ явится борьбою между двумя режимами, проверкою ихъ состоятельности и ихъ значенія и роли ихъ въ будущемъ. Въ этомъ смыслѣ борьбы и въ этомъ же ея причина, ибо обѣ стороны, слѣдуя каждая не болѣе какъ логикѣ культуры своей и требованіямъ своей исторіи, пришли на Востоку въ такое соприкосновеніе, что ужиться рядомъ не могутъ и, покуда не преобразовали своего внутренняго строя по образцу противника, не должны уживаться, не живутся, какъ бы того государственные люди обоеихъ государствъ ни желали“.

Рѣшеніе, какъ мы видимъ, не особенно утѣшительное въ смыслѣ спокойствія, хотя и весьма льстящее нашему національному призванію. Такимъ образомъ, газеты и авторы совершенно различные, однако, одинаково доказываютъ неизбежность столкновенія въ Азіи и предсказываютъ даже европейскую войну изъ-за Азіи. Послѣ этого восточный вопросъ становится не такимъ мало важнымъ вопросомъ для нашего существованія и требуетъ внимательнаго изученія. Въ печати было посвящено немало статей обрисовкѣ нашей стратегической позиціи и вопросу о международныхъ границахъ, причемъ газетами прилагались даже военныя карты. Благодаря этимъ сообщеніямъ и изученію позицій, каждый читатель могъ сдѣлаться въ любую минуту, такъ сказать, ма-

ленькимъ офицеромъ генеральнаго штаба и порѣшить въ умѣ своемъ многіе стратегическіе вопросы.

Но вотъ, какъ мы видимъ, за вопросами стратегическими и политическими выдвигается вопросъ культурный, вопросъ о нашихъ колонизаціонныхъ, экономическихъ и, можетъ быть, преслѣдательныхъ задачахъ. Намъ кажется, эти вопросы должны бы давно занять вниманіе штатской прессы и журналистики невоинствующей, хотя, къ сожалѣнію, вопросы эти мы находимъ весьма мало тронутыми, а при самомъ обсужденіи ихъ встрѣчаются различныя недоразумѣнія и противорѣчія. Если согласиться, что плодородные оазисы внутренней Азіи необходимы намъ, то также нужно будетъ прійти къ другой истинѣ, что эти плодородные оазисы, чтобы они принесли пользу, надо умѣть обрабатывать; мало того, намъ предстоитъ колонизировать страну, создать здѣсь свое хозяйство, промышленность и торговлю. При этомъ само собою предъ нами выступаетъ вопросъ о нашихъ средствахъ и способностяхъ къ осуществленію культуры въ Средней Азіи. Если вопросъ стратегическій разрѣшится счастливо и легко, то при второмъ должно явиться болѣе труда и заботъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь предстоитъ немало изученія мѣстныхъ условий. Мы совершенно согласны, что русской культурѣ можетъ предстоять обширное поприще въ Азіи, но любопытно бы взглянуть, что мы сдѣлали въ Туркестанѣ и каковы здѣсь наши культурные итоги? Намъ кажется, что заняться рассмотрѣніемъ дѣятельности нашей въ Туркестанѣ было бы весьма полезно послѣ 17-ти лѣтъ владѣнія этимъ краемъ. Если говорить теперь о нашей земледѣльческой колонизаціи, то должно признаться, что попытокъ къ этой колонизаціи въ Средней Азіи у насъ доселѣ было весьма мало, а лучше сказать совсѣмъ не сдѣлано. Мы видимъ смѣлое завѣщаніе, огромную покоренную территорію, видимъ усмиренный край и множество войскъ, составляющихъ оплотъ владѣній. Мы видимъ военную администрацію, весьма дорого стоящую намъ. Видимъ колонію русскихъ людей и цивилизаторовъ съ огромными окладами и двойными прогонями, слышимъ иногда о казенныхъ растратахъ и привлеченіи за нихъ къ суду разныхъ лицъ, но мы весьма мало знаемъ о водвореніи здѣсь промышленности, фабрикъ, наконецъ, о подвигахъ земледѣльца и заселенія средне-азиатскихъ пустынь; русской земледѣльческой элементъ пока здѣсь отсутствуетъ.

Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, у не менѣе авторитетнаго и ученаго изслѣдователя Ферганы, Миддендорфа: „Попытки водворить русскихъ крестьянъ не удалось по Сырѣ-Дарьѣ, гдѣ киргизы съ энергіею и успѣхомъ занимались земледѣліемъ; напримѣръ, близъ Казалинска и форта Перовскаго, или между Джулекомъ и Туркестаномъ. Переселенцы не могли сладить съ орошеніемъ, оросительныя воды то изсыкали, то разливались, уничтожая все на своемъ пути. Съ другой стороны, возстаніе киргизовъ въ 1856 году, подъ предводительствомъ Джанъ-Ходжа, было, какъ говорятъ, вызвано главнѣйше отдаленъ ихъ пахотныхъ земель русскимъ переселенцамъ, которыхъ нѣтъ и слѣдъ простыль“ (А. Миддендорфъ, Фергана, стр. 348).

Далѣе: „Поселеніе крестьянъ по нижнему теченію Сырѣ-Дарьѣ совершенно не удалось,—продолжаетъ почтенный ученый,—хотя эти мѣста были осмотрѣны и облюбованы ходоками. Они не могли приспособиться уже къ готовымъ ирригаціямъ: то Сырѣ-Дарьѣ имъ не хватало, то она затопляла ихъ посѣвы,

то объявляли они, что земля была выпажана, т. е. истощена, ихъ глубоко забирающимъ плугомъ (сабаномъ). Короте, дѣло кончилось тѣмъ, что они, наконецъ, пораспродали свой скотъ и занялись мелкою торговлею; только нѣкоторымъ посчастливилось въ извозѣ, тогда какъ другіе ушли на рыбныя ловли. открывшіяся въ устьяхъ Арала“ (ibid.).

Что же это значитъ? Положеніе русскаго земледѣльца въ Средней Азій дѣйствительно должно быть совершенно особое. Говоря о культурномъ призваніи въ Азій нашего крестьянина, не мѣшаетъ задаться вопросомъ, на сколько нашъ земледѣлецъ былъ подготовленъ къ этой культурѣ, требующей ирригаціи, воспитанія плодовыхъ деревьевъ, разведенія винограда, шелковицы и хлопчатника. Не отрицая способностей русскаго человѣка, мы должны, однако, сказать, что въ этомъ случаѣ онъ стоялъ ниже туземца. „Въ Самарской губерніи, — говоритъ Миддендорфъ, — киргизы обратили 2,600 дес. степи, посредствомъ плотинъ, въ роскошные луга, и крестьяне начали учиться у нихъ этому дѣлу... вмѣсто того, чтобы желать отобранія ихъ земель въ свою пользу, какъ на болѣе отдаленномъ Востокѣ“ (Миддендорфъ, Фергана, стр. 348). Сарты и другія племена Туркестана выписывались даже въ наше Семирѣчье и разводили здѣсь сады, орошали почву и дѣлали ее плодородною. Въ Туркестанѣ мы застали виноградники, шелководство и т. д.

Г. Петровскій („Шелководство и шелкотананіе въ Средней Азій“, 1874, стр. 40) насчитываетъ 5 породъ тутоваго дерева, различаемыхъ туземцами. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о посадкѣ тутоваго дерева и уходѣ за нимъ, о значеніи, придаваемомъ хорошимъ сортамъ плодовъ, о разрушеніи и удобреніи почвы, окучиваніи посадокъ, посѣвѣ и прививкѣ, о томъ, какое вниманіе обращается на болѣзни, которымъ подвержена шелковица, какъ и виноградъ, — все это „свидѣтельствуетъ о тѣхъ тщательности и утонченности, съ какими туземцы занимаютъ земледѣліемъ“, — заключаетъ Миддендорфъ (Фергана, стр. 488). Многіе, правда, убѣждены въ преимуществахъ, какія должна имѣть наша культура надъ азіатскою. Г. Южаковъ на прогрессѣ европейской культуры построилъ приговоръ всѣмъ азіатскимъ государствамъ и смерть азіатскимъ культурамъ — мысль утѣшительная. Но не нужно забывать, что подъ европейскою культурою здѣсь разумѣется усовершенствованная европейская культура съ примѣненіемъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ знаній и съ умѣнемъ приложить эти знанія повсюду. Обладаетъ ли такими познаніями тотъ контингентъ населенія въ данную минуту, который долженъ совершить свое историческое призваніе? Мы видимъ, что нашъ сѣверный крестьянинъ далеко не подготовленъ еще къ этой высшей культурѣ, а на югѣ и въ Средней Азій онъ встрѣчается съ такими условіями жизни, которыя ему совершенно незнакомы и преодолѣть которыя онъ не можетъ. Конечно, въ этомъ случаѣ для довершенія нашихъ „надеждъ и упованій“, а также въ виду осуществленія теоріи „историческаго призванія“, необходимо позаботиться о культурной высотѣ колонизатора, безъ чего онъ можетъ быть поставленъ въ весьма плачевныя условія.

Мысль, что въ Азій и въ томъ числѣ въ Средней Азій должна водвориться одна европейская культура въ силу „историческаго закона“, а азіатская должна быть вытѣснена, — мысль опять-таки весьма утѣшительная. Но, намъ кажется, не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы вытѣснить ка-

кую либо культуру другою, надобно имѣть большія познанія, средства и т. д. Не нужно забывать, что въ счастливую теорію о преобладаніи культуръ входитъ „борьба культуръ“. Вопросъ, столь легко разрѣшаемый въ книжкахъ и политическихъ брошюрахъ, не такъ легко разрѣшается въ жизни. Изъ другой книжки г. Южакова, называющейся „Афганистанъ и сопредѣльныя страны, политико-историческій очеркъ“, можно усмотрѣть, что въ Средней Азій жили различныя племена *), существовали древнія культуры, здѣсь были древнія царства и цивилизаціи, совершалась вѣковая жизнь и накоплялся опытъ народовъ. Правда, эти цивилизаціи падали (г. Южаковъ называетъ потому эти цивилизаціи циклическими), но у нынѣшнихъ жителей Средней Азій: у туркестанцевъ и афганъ, сохранилось искусство земледѣлія, интенсивная культура, умѣнье разводить сады, созидать искусственное орошеніе и оплодотворять оазисы. Если ужъ говорить о гибели этихъ народовъ и прекращеніи ихъ исторической роли, то можно пожелать, чтобы замѣститель ихъ обладалъ не меньшимъ искусствомъ.

Вотъ поучительныя мысли, которыя можно извлечь изъ поднятаго весьма кстати вопроса о нашемъ культурномъ призваніи на Востокѣ. О торгово-экономической роли, предстоящей европейцамъ и намъ въ Азій, мы поговоримъ въ особой статьѣ.

ХРОНИКА.

Телеграмма „Восточнаго Обозрѣнія“ изъ Владивостока. 21-го іюля только начали перепадать дожди. 28-го послѣ мелководья, — явленіе небывалое 30 лѣтъ, — пришелъ въ Благовѣщенскъ первый буксирный пароходъ „Константинъ“ съ товарами, полученными моремъ. Опасаются голода.

«Директоръ «Товарищества Амурскаго пароходства» Некуръ».

Необыкновенное землетрясеніе въ Сибири. Военнымъ министромъ получены слѣдующія телеграммы отъ генералъ-лейтенанта Колпаковского, изъ Малоаягуза, отъ 23-го іюля:

1) «Землетрясеніемъ въ ночь на 22-е іюля разрушило два селенія Токмакского уѣзда, Семирѣченской области: Вѣловодскъ и Сукулукъ; народа погибло много. Вѣловодская церковь разрушена; землетрясеніе въ окрестностяхъ Пишпекъ продолжается. Означенныя селенія возникли въ началѣ семидесятыхъ годовъ; въ первомъ считается населенія 742 души обою пола; во второмъ — 335; разстояніе между ними 17 верстъ. Для подачи помощи пострадавшимъ отуекъ денегъ изъ земскаго кредита мной разрѣшенъ, если не достанетъ средствъ, собираемыхъ на случай народныхъ бѣдствій. Командированы врачи съ фельдшерами и медикаментами».

2) «Землетрясеніе продолжается периодически черезъ 15—30 минутъ; въ одиннадцатомъ часу вечера 22-го въ Пишпекѣ былъ сильный ударъ, рухнуло много зданій; несчастія съ людьми, оставшимися дома, раньше не было. Въ Вѣловодскѣ убито 37, ранено 43; въ Караболтахъ убито 17, ранено 20; дома почти всѣ разрушены; Караболты и Сукулукъ — сосѣднія Вѣловодску деревни; первоначальное свѣдѣніе о несчастіяхъ въ Сукулукѣ, вѣроятно, ошибочно».

Телеграмма «Сѣв. Тел. Агентства» изъ Вѣрнаго дополняетъ: «На 24-е число, въ 2 часа ночи, повторилось землетрясеніе въ

*) Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Южакова при всѣхъ ея достоинствахъ вниманіе обращено исключительно на тюрковъ и монголовъ и ихъ господство въ Азій, хотя нельзя отрицать, что и туранская культура имѣла свой прогрессъ. Въ перечисленіе же другихъ племенъ, въ содѣланный, вошли нѣкоторыя неточности; такъ авторъ, упоминая объ извѣстныхъ уграхъ, сакахъ (арійцахъ) и юежкѣ (гегахъ), всѣхъ ихъ отнесъ къ тюрко-монголамъ (с. 91, 92) и упустилъ изъ виду, что предки европейскихъ арійскихъ племенъ создали первоначально культуру въ Азій.

Пишпекъ и Върномъ. Въ городѣ близъ Пишпека найдены убитыми люди и скоть».

Въ настоящее время окончилось сооруженіе на островѣ Сахалинѣ туннеля, проложеннаго въ скалахъ мыса Жонкьеръ для соединенія удобною дорогою поста Дуэ съ селеніемъ Александровскимъ. Къ работамъ по устройству туннеля трудомъ ссыльно-каторжныхъ приступлено еще въ 1880 году и только послѣ пятилѣтнихъ тяжелыхъ работъ сооруженіе его окончено и постъ Дуэ соединенъ съ селеніемъ Александровскимъ конно-железною дорогою, проложенною чрезъ туннель къ берегу моря. Въ виду того, что работы по устройству туннеля исполнены трудомъ ссыльно-каторжныхъ, было признано полезнымъ испросить, въ желаніи поощрить и отличить трудъ ссыльно-каторжныхъ, Высочайшее соизволеніе на наименованіе этого туннеля. — «туннелемъ Императора Александра III», на что и послѣдовало соизволеніе.

26-го іюля, прибылъ въ Москву лейтенантъ Соединенныхъ Штатовъ, В. Шютце, который везетъ американскую шпалу якутскому губернатору и подарки для ленскихъ жителей. Какъ известно, онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, лейтенантомъ Герберъ, отыскалъ останки парохода «Жаннетта», погибшаго въ Северномъ Ледовитомъ океанѣ, близъ устья Лены и трупы погибшихъ на этомъ пароходѣ капитана Делонга и его спутниковъ.

Съ разрѣшенія генераль-губернатора Примурскаго края, учреждается ярмарка скота, вблизи села Никольскаго, съ 15-го августа по 15-е сентября. Ожидаемая нынѣ партія переселенцевъ потребуетъ приблизительно 1200 головъ лошадей, быковъ и коровъ.

«Сибирская Газета» сообщаетъ о новыхъ подвигахъ томскаго городского головы Михайлова: «Томская городская дума, постановленіемъ 5/12 марта настоящаго года, въ составѣ 36 гласныхъ, единогласно опредѣлила отвести сколько понадобится земли, на берегу Ушайки противъ дома Банникова подъ устройство каменнаго зданія для бесплатной народной библиотеки. Это постановленіе состоялось въ отсутствіе городского головы Михайлова, который въ то время уѣзжалъ «на ярмарку». Прошло съ тѣхъ поръ почти 4 мѣсяца, и тотъ же Михайловъ относительно состоявшагося опредѣленія молчалъ, но когда началась постройка, онъ переговорилъ, что это постановленіе надо отменить, что онъ Ушайку будетъ отводить мимо Боговлянской церкви въ Томъ, устроить каменную набережную, что тутъ по плану предполагается театр въ скверъ и т. п. Разговоры эти привели къ тому, что 27-го іюня въ городской управѣ состоялось постановленіе, которымъ, по большинству 3 голосовъ противъ 2 (эти три голоса: самъ Петръ Михайловъ, Пиленьковъ и Серебренниковъ), опредѣлено приостановиться исполненіемъ опредѣленія думы объ отводѣ мѣста подъ библиотеку и представить объ этомъ думѣ. Мотивы, приведенные управой въ пользу ея опредѣленія, слѣдующіе: такъ, напр., Михайловъ говоритъ, что по утвержденному г. министромъ плану на городъ это мѣсто на Ушайкѣ назначено подъ театр и скверъ и что давать иное назначеніе этому мѣсту «значитъ измѣнить планъ (?) на городъ», на что требуется особое ходатайство; высказавъ эти соображенія, г. Михайловъ тутъ же заявляетъ, что набережная Ушайки ничѣмъ не должна быть застраиваема, кромѣ сада. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Михайловъ и члены управы нашли, что нѣтъ болѣе подходящаго для библиотеки мѣста, какъ мѣсто на Сѣнной площади противъ мясныхъ рядовъ, вондѣ бывшего дома Глазова. Только гг. Дмитріевъ и Шостаковичъ не согласились съ мотивами своихъ сотоварищей, но остались въ меньшинствѣ. Результатомъ этого подкапыванья подъ благое дѣло, стоявшее на пути къ осуществленію, явилось пока слѣдующее письмо г. Валгуева, адресованное имъ 3-го іюля предѣлателю училищной коммисіи П. И. Макушину:

«М. Г. П. И. Навѣрное, вы уже получили копію съ журнала Томской городской управы отъ 27-го іюня, которымъ управа отменяетъ постановленіе думы отъ 5/12 марта объ отводѣ мѣста для постройки народной библиотеки; а такъ какъ я, въ

заявленіи своемъ въ управу, высказалъ свой положительный отказъ строить библиотеку на другомъ мѣстѣ, поэтому при семъ и возвращаю вамъ и смѣту на постройку таковой. Душевно сожалею, что желаніе мое, направленное для общественной пользы, по независимымъ отъ меня причинамъ, не могло достигнуть желаемой цѣли».

«Этотъ фактъ для характеристики дѣятельности г. Михайлова въ качествѣ городского головы, по замѣчанію «Сиб. Газеты», ничего новаго не прибавляетъ. Известно, напр., что частію земли, пожертвованной городомъ подъ университетъ, Михайловъ добивался отобрать, находилъ подаркомъ не въ мѣру щедрымъ и проч. А между тѣмъ Михайловъ не поднимаетъ вопроса о томъ, можетъ ли онъ пользоваться безопасно и по городской землей подъ своими кирпичными сараями, которые не поставляютъ кирпича для университета. И любопытно эта вдругъ проявившаяся въ г. Михайловѣ страсть къ садамъ и скверамъ, каменнымъ набережнымъ и т. п. украшеніямъ города. Вреченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ дума ассигновала по 1,000 р. ежегодно на устройство сада на Соборной площади и ежегодно расходовала эти деньги на другія нужды, а площадь такъ и оставалась заброшенной, хотя устроить на ней скверъ дѣйствительно нужно давно. О каменныхъ набережныхъ языки мы чешемъ, а укрѣпить берега Ушайки и Томи, которыя такъ вретъ водой, что по нимъ скоро проѣзду не будетъ, и не подумаемъ».

Все приведенное нами изъ «Сибирской Газеты» прекрасно характеризуетъ дѣятельность г. Михайлова и его благодѣянія въ Томскѣ. Что касается курьеза съ народной бібліотекъ, то онъ напоминаетъ нѣкую жалобку кушца въ «Губернскихъ очеркахъ». «Я, говорить, домикъ задумалъ строить и залъ расположилъ, а архитекторъ говорить, гдѣ у тебя пужно быть залу, строй, говорить, Таковъ, говорить, «плантъ»; такъ мнѣ всю фантазію и испортилъ!». Здѣсь роль только играетъ не архитекторъ, а г. Михайловъ.

Судьба народнаго образованія въ Забайкальѣ. Въ «Сибирскую Газету» пишутъ, что «въ Забайкальѣ жалуются на директору училищъ С. Его ждали съ нетерпѣніемъ, надѣялись, что онъ двинетъ не много важное дѣло народнаго образованія, которое такъ тормозилось при предшественникѣ его, баронѣ М. Но, увы! Вотъ уже полгода прошло, какъ г. С. прибылъ на мѣсто служенія и до сихъ поръ не ознакомился даже съ училищами. Пока единственный результатъ его дѣятельности—крайне неаккуратное полученіе учителями казеннаго жалованья».

Къ этому мы должны прибавить, что судьба народнаго образованія и народныхъ школъ въ этой области крайне печальна. Официальныя данныя указываютъ, что въ 1870 году здѣсь находилось 295 школъ, почти съ 10,000 учащихся, а теперь насчитывается едва 100 школъ съ 3,500 учащихся. Однако, прогрессъ! Если дѣло такъ пойдетъ, то скоро и совсѣмъ не успѣшимъ о народныхъ школахъ въ Забайкальѣ.

По словамъ «Новостей», при Читинской мужской гимназій Высочайше разрѣшено учредить двѣ стипендіи имени бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области генераль-майора Л. И. Ильшевича, на счетъ процентовъ съ собраннаго ипотечными Агинскаго вѣдомства Читинскаго округа и дамами Агинскаго и Цучальскаго дадановъ того же вѣдомства капитала въ 14,000 р.

Телеграмма изъ Нерчинска, отъ 29-го іюля, принесла слѣдующія не особенно утѣшительныя извѣстія: «Въ Аргунскомъ краѣ цѣна на хлѣбъ превышаетъ 2 рубля за пудъ; овощи и травы плохи. Въ Читѣ и Верхнеудинскѣ урожай лучше. На кабинетскихъ промыслахъ намѣто золота пока 20 пудовъ, т. е. четвертая часть смѣтнаго назначенія; добыча на частныхъ пріискахъ тоже мала».

Въ русскихъ газетахъ передавъ англійскій анекдотъ о томъ, что на вопросъ въ англійскихъ школахъ, «что такое Герать?», большинство учителей отвѣчало: «это—колонія въ Африкѣ»; не

многие— «английская колонія въ Америкѣ». Въ этомъ пикантнаго для русскихъ читателей ничего нѣтъ. Изъ Ташкента намъ пишутъ, что одинъ убадный начальникъ постоянно смѣшивалъ Гератъ съ «зикетомъ» (зикетомъ называется налогъ, въ которомъ убадные начальники наиболее компетентны).

Изъ Кары пишутъ въ газету «Сибирь», что тамъ, въ виду обмариженныхъ за послѣднее время злоупотребленій, уволены отъ занимаемыхъ должностей почти все старыя чиновники и замѣнены новыми.

Оттуда же жалуются на крайне грубое и безчеловѣчное обращеніе казаковъ съ коноводными ими каторжниками. Недавно, напримѣръ, на нашихъ глазахъ,—пишетъ корреспондентъ «Сибирь»,—казакъ ударилъ безпричинно арестанта по головѣ и затѣмъ, когда послѣдній отъ этого удара свалился съ ногъ, сталъ его бить кулаками и топтать ногами.

Въ Иркутскѣ, 27-го мая, похоронили законоучителя технического училища Михаила Успенскаго. Ученики училища на гробъ уважаемаго учителя возложили вѣнокъ. Оставшіяся отъ заказа вѣнка деньги, 21 руб. 20 коп., по желанію учениковъ училища, г. инспекторъ препроводилъ чрезъ нашу редакцію въ Общество содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ.

Деньги переданы по принадлежности.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Минусинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Приѣздъ новаго генераль-губернатора долго составлялъ злобу дня нашего города, а когда телеграммы извѣстили, что начальникъ края вступилъ на Сибирскую землю, простое любопытство превратилось въ напряженное ожиданіе, такъ какъ мы имѣли достовѣрныя свѣдѣнія, что графъ Игнатьевъ посѣтитъ и нашъ городъ. Его ждали буквально все: мѣщане, крестьяне, чиновники, „заѣзжіе цивилизаторы“, „собственники“ и слышные всѣхъ категорій ждали и надѣялись, ждали и... уповали, всякъ на свой ладъ: мужикъ шелъ съ жалобами на „благородныхъ людей“, „благородные“ люди съ жалобами на мужика и съ просьбами о милостяхъ; „заѣзжіе цивилизаторы“ съ проектами „уфимско-башкирскаго“ характера, „собственники“ тоже съ проектами о частной собственности, якобы необходимой „для блага края“. Нужно отдать честь: все думали „о благе края“, но съ „своей“ точки зрѣнія, и все, повторяемъ, глубоко вѣрили, что получать свое; только чиновники почему-то присмирѣли и бѣжали „казенныя зданія“, вѣроятно, потерявъ надежду представить „дѣла“ бѣлыми... Къ серединѣ іюля были уже готовы депутація, блюда, хлѣба и соли, а въ двадцатыхъ числахъ мѣстной администрація положительно сбился съ ногъ: единственный надзиратель (овъ же и слѣдователь; не везетъ намъ относительно нижнихъ чиновъ администраціи: то слѣдователя нѣтъ, то — надзирателя!) долженъ былъ къ приѣзду графа уничтожить скотскую чуму, а помощникъ исправника (исправника у насъ тоже нѣтъ!) полетѣлъ навстрѣчу къ начальнику края... Все стихло и замерло, съ часу на часъ ожидая приѣзда; солдаты, жандармы и толпы народа съ утра до ночи стояли у дома доктора Малинина, гдѣ долженъ былъ остановиться графъ. Наконецъ, съ утра 25 іюня городъ украсился флагами и по городу разнесся слухъ о приѣздѣ генераль-губернатора; слухъ, однако, не оправдался: генераль-губернаторъ приѣхалъ только въ 4 часа по полудни. Подѣхавъ къ дому Малинина, графъ вышелъ изъ экипажа, поздоровался съ солдатами, подалъ руку всѣмъ офицерамъ, не соображаясь съ чиномъ и затѣмъ, обратившись къ толпѣ народа, громкогласно произнесъ: „всѣхъ, имѣющихъ ко

мнѣ дѣло, прошу пожаловать ко мнѣ сегодня же, въ 8 часовъ вечера“. Эта простота и доступность съ перваго же раза произвели весьма пріятное впечатлѣніе и придали бодрость массѣ просителей, которые и остались здѣсь же, у воротъ дома Малинина, выродженіе всего времени отсутствія графа, который, только переодѣвшись, немедленно отправился въ церковь, затѣмъ посѣтилъ тюрьму, судъ и полицію, всѣхъ разспрашивая и ревизуя. Въ 8 часовъ графъ уже возвратился обратно, но пріемъ прошеній начался часомъ съ 9-ти. На крыльцѣ появились весьма элегантный адъютантъ графа, который любезно предложилъ просителямъ „стать, по возможности, въ полукругъ, чтобы удобнѣе было излагать просьбы и подавать прошенія“. Скоро вышелъ и графъ Игнатьевъ. Принимая прошенія, онъ всѣхъ разспрашивалъ о нуждахъ, всѣхъ внимательно выслушивалъ и всѣмъ обѣщала сдѣлать все, что можетъ.

Въ полдень 26 іюля графъ оставилъ городъ Минусинскъ, уснѣвъ побывать до отъѣзда еще въ музеѣ, который остался весьма доволенъ, въ училищѣ, женской прогимназіи и почтовой конторѣ. Результаты ревизіи еще неизвѣстны. Изъ депутацій, явившихся къ графу, болѣе или менѣе интересны были: 1) отъ города, хлопотавшая о проведеніи телеграфа въ Минусинскъ и объ открытіи мужской прогимназіи. Говорятъ, генераль-губернаторъ обѣщала исполнить ходатайства города, чему нельзя не порадоваться. 2) Отъ деревень: Малой Минусы, Оторваловки и Самодуровки, депутація просила не уничтожать ихъ поселеній, случайно очутившихся на городскомъ выгонѣ. Громкое мало-минусинское дѣло, о которомъ немало говорили сибирская печать *, требуетъ какого нибудь компромисса, ибо иначе должны быть стерты съ лица земли сотни жилищъ и пущены по міру тысячи душъ человѣческихъ. 3) Весьма курьезная депутація была отъ г. Пермикина, одного изъ ярыхъ „собственниковъ для блага края“. Депутація эта была организована искусственно самимъ хозяиномъ Абаканскаго желѣзо-дѣлательнаго завода и стремилась выполнить приказъ хозяина: чтобы не устроивалась деревня на заводѣ, чтобы г. Пермикинъ могъ эксплуатировать рабочихъ. Это тоже очень громкое дѣло, не сходящее за послѣднее время со столбцовъ сибирскихъ газетъ, и мы надѣемся, что генераль-губернаторъ отнесется къ дѣлу этому серьезно и осмотрительно, а такое отношеніе выставитъ въ надлежащемъ свѣтѣ г. Пермикина и выяснитъ необходимость удовлетворенія желаній **) весьма многихъ рабочихъ Абаканскаго завода. Вообще „собственники“ употребляли все усилія „поправиться“ начальнику; такъ, напримѣръ, знаменитый Гадаловъ переименовалъ, какъ передаютъ, пароходъ свой „Дальманъ“ „графомъ Игнатьевымъ“. Онъ переженилъ эту надпись экспромтомъ. Говорятъ, графъ, отлично угадавъ подвохъ сибирскаго куртизана, остроумно спросилъ его: „А что въ часто пережениете названіе моему пароходу?“ Но Гадаловъ не перестанетъ отъ этого быть Гадаловымъ и дѣла его отъ сего не убѣлятся...

При графѣ Игнатьевѣ было два чиновника: одинъ г. Васильевъ, приѣхавшій вновь на службу въ Сибирь, и генераль Ю—въ, хорошо извѣстный Восточной Сибири при генераль-губернаторѣ Анучинѣ; г. Ю—въ было поручено ревизовать минусинскій окружный судъ, который, конечно, могъ утѣшиться однимъ тѣмъ, что его ревизуетъ свой человѣкъ.

Про путешествіе графа передаютъ массу легендъ. Изъ Минусинска графъ Игнатьевъ поѣхалъ въ Красноярскъ, оттуда въ Енисейскъ и затѣмъ уже поѣдетъ далѣе, по направленію къ Иркутску. Обыватели Енисейской губерніи, провозжа благами пожеланіями новаго началь-

*) См., между прочимъ, «Сибирь» № 23, 1883 г.: «Мѣщанская Зависть».

**) См. «Сиб. Газ.» № 14, «Сибирь» № 20 и вообще многіе №№ этихъ газетъ за 1885 г.

ника край, очень желали скорѣйшаго прїѣзда графа въ Иркутскъ, съ петиціею ожидала возвращенія г. Педашенко, безъ котораго дѣла въ Янисейской губерніи идти изъ рукъ вонъ плохо; но, увы, боится, пожалуй, желаніе это не сбудется; разнесся слухъ, что Педашенко оставляетъ Сибирь и на его мѣсто назначается выше поманутой генераль Ю—въ... Впрочемъ, едва ли этотъ слухъ заслуживаетъ какого либо вѣроятія.

Чума у насъ не только продолжается, но распространяется весьма быстро: уже охвачены деревни на городскомъ выгонѣ, и чума появилась даже въ самомъ городѣ. Что-то будетъ дальше? Населеніе стонетъ, и мы, культурные люди, скоро останемся безъ мяса, масла и молока...

Томскъ (корресп. „Восточ. Обзор.“). Городъ нашъ занятъ толками о скоростижной кончинѣ начальника губерніи И. И. Красовскаго. Теперь уже извѣстны всѣ подробности этого неожиданнаго событія. Покойнаго засталъ просто ударъ, случившійся какъ разъ во время рапорта помощника полицеймейстера. Въ послѣднюю минуту дѣлалось имъ распоряженіе о высылкѣ какихъ-то уголовныхъ осмыльных, которыми наполненъ городъ. Послѣ смерти разнеслись слухи, что покойнаго вызывали въ Петербургъ и онъ имѣлъ какія то неприятели. Былъ ли подобный вызовъ—неизвѣстно. Но слухи объ этомъ вызовѣ ходили цѣлую весну. Объяснялось это многими казусными дѣлами и крайними безпорядками въ губерніи. Ив. Ив. Красовскій, явившійся въ Томскъ, конечно, не могъ сразу ориентироваться и не подозрѣвалъ, какая среда его окружаетъ. Благодаря добродушію и слабости характера, онъ былъ очень доврѣчивъ къ людямъ и часто ошибался. Его окружали не лучшія лица мѣтнаго общества, но люди совершенно посторонніе, случайно закинутые въ край которые предубѣдили его противъ Сибири и противъ Томска. Вышла масса казусныхъ дѣлъ, которыя требовали строгихъ слѣдствій; между тѣмъ люди ловкіе умѣли его отклонять и измѣнять направленіе дѣлъ.

Извѣстно было, что два лучшихъ и честныхъ чиновника особыхъ порученій, привезенные И. И. Красовскимъ, Масаловъ и Герке, оставили службу и уѣхали въ Европейскую Россію, потому что не могли видѣть, какъ добраго И. И. Красовскаго окружала какая-то подозрительная клика. Въ некрологѣ, напечатанномъ въ Томскѣ нѣкими услужливыми людьми, сказано, что „въ свободное время Иванъ Ивановичъ переставалъ быть губернаторомъ“. Это весьма многимъ было пріятно, но не особенно благопріятно отражалось на губерніи. Губернаторство—такая обязанность, что нельзя переставать быть губернаторомъ. Если здѣсь заключается намекъ, что онъ былъ доступенъ нѣкоторымъ лицамъ, которымъ не можетъ быть доступенъ губернаторъ, то это понятно. Его окружили лица, лишенные по суду правъ и скомпрометированныя въ нравственномъ отношеніи, обезчещенныя судомъ, лица, которыя въ городѣ Томскѣ пользовались самой плохой репутаціей. Эти люди прикрывались невинностью, поддѣлались къ доброму старшкѣ, начали интриговать и заняли въ администраціи роль. Все это не могло не отражаться на дѣлахъ. И. И. Красовскаго возстановляли, напримѣръ, противъ всякихъ жалобщиковъ, т. е. собственно противъ населенія, которое шло съ воплями о притѣсеніяхъ. Какъ всегда, плуты выставляли видущихъ правду ябедниками (объ этомъ см. статьи „Сибирскаго Вѣстника“); И. И. возстановили противъ крестьянскихъ учреждений, противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, между тѣмъ какъ въ составѣ этихъ чиновниковъ были такіе безукоризненно честные люди, какъ Наузовъ, Покровский и другіе.

Между тѣмъ, огромная губернія, съ разнообразными и сложными дѣлами, требовала особенныхъ заботъ, необычайной энергіи и безпощадной борьбы со зломъ. Необходимъ былъ зоркій глазъ въ уѣ-

дахъ, требовались ревизіи, неустанная работа а извѣстная клика, окружавшая добраго губернатора, старалась только устроить развлеченія, отлекая администратора отъ дѣла. Хотя И. И. Красовскій старался съ прїѣзда организовать полицію и выписалъ опытнаго полицеймейстера, но городъ не представлялъ возможности искоренить преступленія и мошенничества; онъ наполненъ массою авантюристовъ и шулеровъ, которые являлись повсюду безцеремонно въ общество, занимали мѣста въ музыкальномъ обществѣ и прикрывались дружбой съ администраціей.

Скажемъ нѣсколько словъ о похоронахъ покойнаго. Въ Томскѣ у покойнаго не было старыхъ друзей-сослуживцевъ, но лица административныя, предсѣдатели губернскихъ учреждений, городской голова и выдающіеся граждане приняли близкое участіе при отдачѣ послѣдней чести; тутъ не было ничего удивительнаго, доброта покойнаго могла привлечь и многихъ лицъ, изъ покровительствуемыхъ, но вотъ что странно было видѣть. Нѣкая шайка и клика людей весьма подозрительныхъ захотѣла розыграть роль на похоронахъ, выдавая себя за ближайшихъ друзей покойнаго, тогда какъ, повторимъ, у покойнаго, принадлежавшаго къ московскому обществу, не было короткихъ пріятелей въ Томскѣ, а тѣ лица, которыя выдавали себя за друзей, могли только скомпрометировать администратора и бросить тѣнь на его честную репутацію. Явились ловкіе люди, разсмывшіе боллетени, песніе вѣнки, вовсе не изъ какихъ либо человѣчныхъ привязанностей, но имѣвшіе цѣлю порисоваться и показать свою короткость съ администраторомъ. Мы не будемъ вдаваться въ частныя отношенія покойнаго и его частную жизнь, по сколько она не отражалась на общественныхъ дѣлахъ, но весьма страннымъ и необъяснимымъ явилось здѣсь то, что не вице-губернаторъ, не другіе сослуживцы явились засвидѣтельствовать заслуги покойнаго и очертить его роль въ Томскѣ, а вдругъ знатокомъ частной жизни, даже помыслившей администратора и истолкователемъ ихъ явился нѣкто В. Картамышевъ съ К°, написавшій и подписавшій некрологъ о дѣятельности губернатора. Такіе некрологи пишутся или друзьями губернаторовъ, или составляются официально. Но кто такой Картамышевъ, публично оцѣнивающей предъ городами и губерніей управленіе покойнаго? Многія слова этого некролога могутъ получить совершенно обратный смыслъ въ устахъ г. Картамышева и К°. Напримѣръ, тотъ же В. Картамышевъ, въ некрологѣ губернатору, объявляетъ, что „Сибирскій Вѣстникъ“ (органъ г. Картамышева) обязанъ ему (И. И. Красовскому) своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій, и что губернаторъ искренно и горячо сочувствовалъ мысли г. Картамышева создать его. Замѣчательно, что это признаніе появилось послѣ смерти И. И., тогда какъ при жизни его въ № 1 „Сибир. Вѣстника“ тотъ же г. Картамышевъ отрекался отъ всякихъ сношеній съ администраціей. Когда же онъ глгль—при жизни покойнаго, или послѣ смерти? Дескать, мертвый все стерпитъ. Не желая бросать невыгодную тѣнь на покойнаго администратора, мы можемъ только усомниться въ близости г. Картамышева съ губернаторомъ, особенно при той репутаціи этого издателя, которая уже теперь предана печатной гласности. Такія услуги для умершихъ только роняютъ ихъ добрую память.

Вѣрный, Семирѣченской области (корресп. „Восточн. Обзор.“). Недостатокъ лѣсовъ и топлива въ Семирѣченской области, съ одной стороны, и временная привычка къ топкѣ каменнымъ углемъ въ Кульдѣжѣ—съ другой, побуждала нѣкоторыхъ семирѣченцевъ къ розысканію каменнаго угля въ Илійской долинѣ, въ нынѣшнихъ русскихъ предѣлахъ, т. е. ниже по теченію отъ издревле разрабатываемаго кульджинскаго каменно-угольнаго бассейна. Пренія попытки частныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ были такъ слабы, что я о нихъ не

буду и упоминать. Болѣ серьезныя развѣдки не разъ предприимались мѣстной администраціей и не въ Семирѣчьѣ только, но во всемъ Туркестанскомъ краѣ. Инициатива этого дѣла принадлежала исключительно, еще сначала занятія края, самому генералу Кауфману. При немъ свѣдѣлись экспедиціи, конечно, не для отысканія одного только каменнаго угля, но вообще для изслѣдованія и изученія въ минералогическомъ и геогностическомъ отношеніи русскихъ владѣній въ Средней Азій. Открытіе залежей каменнаго угля въ Сыр-Дарьинской области относится къ этому времени; туземцы до насъ ихъ не знали и не разрабатывали. Первая конь, открытая для эксплуатаціи (1868 или 1869 гг.), была названа Татаринскою, по фамиліи главнаго изъ горныхъ инженеровъ, состоявшихъ при Кауфманѣ. Но я хочу сообщить только о поискахъ угля въ предѣлахъ нашего Семирѣчья. Тогда же былъ (1869 г.) командированъ въ Семирѣчье горный инженеръ Майеръ, человекъ, бывшій до того времени уже нѣсколько лѣтъ на Донецкихъ каменно-угольныхъ копяхъ, и съ этою отраслью болѣе знакомый, чѣмъ инженеры, только что кончившіе курсъ. Значительную часть области онъ осматрѣлъ (за границу ближе къ Кульдѣжѣ онъ не могъ проникнуть, ибо тогда Кульджа была не только не занята еще русскими, но и потрясаема инсurreкціей); онъ изслѣдовалъ залежи каменнаго угля въ Каратальской долинѣ, по рѣкамъ Мокуру и Бижу. Но казенные порядки во всякомъ подобномъ дѣлѣ, переписка и несвоевременное снабженіе техника средствами, для коихъ нужно не одно только ассигнованіе денегъ, но и заготовленіе инструментовъ, и т. п. произвели то, что г. Майеръ долго жилъ въ ожиданіи того, то другого и убѣхалъ, ничего не сдѣлавши. Затѣмъ, въ послѣдующіе года производили обзоръ и изслѣдованія нашей области г. Романовскій и г. Мушкетовъ. Послѣдній представилъ (печатный) отчетъ съ картой, съ чертежами горныхъ разрѣзовъ (профилей) нѣкоторыхъ мѣстностей и кражей. Карта эта обхватываетъ и кульджинскій районъ; на ней обозначены каменно-угольныя залежи, какъ разрабатываемыя (въ Кульдѣжѣ), такъ и признаки угля, выходы котораго на поверхность земли обнаруживаются въ предѣлахъ Семирѣчья. Карта эта, конечно, и не можетъ считаться полной геогностической картой области; за каковую ее, конечно, не выдастъ и самъ г. Мушкетовъ. На ней обозначенъ пунктиромъ путь, по коему проходили въ разныхъ направленіяхъ г. Мушкетовъ, отмѣчая въ отчетѣ встрѣченныя полезныя породы, или болѣе замѣчательныя мѣсторожденія минераловъ. На остальныхъ пространствахъ отмѣтки сдѣланы по разспроснымъ свѣдѣніямъ. Полное геогностическое изслѣдованіе, конечно, еще дѣло будущаго; на первое же время и тѣ данныя, какія добыты уже нашими горными инженерами при обзорѣ ими такого обширнаго края, каковъ Туркестанскій, составляютъ значительный вкладъ въ дѣло краевѣдѣнія. Мы уже можемъ кое-что вѣтъ ориентироваться, если желаемъ интересоваться нашимъ землѣвѣдѣніемъ.

Послѣ изслѣдованій г. Мушкетова лѣтъ пять или шесть не было изслѣдователей въ Семирѣчьѣ. Наконецъ, по учрежденіи отдѣльнаго Степнаго генералъ-губернаторства, и въ немъ появились свои горные инженеры: г. Игнатьевъ и Горюшковъ. Генералъ Коллаковскій, не оставляя мысли о возможности открыть залежи каменнаго угля въ предѣлахъ Ферганскаго уѣзда или въ бассейнѣ рѣки Или, въ недалекомъ разстояніи отъ административнаго центра Семирѣчья, т. е. города Фергана, командировалъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году вышеозначенныхъ инженеровъ продолжать развѣдки каменнаго угля, производящіяся и по настоящее время.

Извѣстно, что таранчи, жители Кульджи, переселившіеся къ намъ ниже по рѣкѣ Или, въ совершенно пустую мѣстность, въ силу традицій и привычекъ къ каменному углю, еще въ 1883 году

пустились ad libitum на розыски каменнаго угля по низовьямъ рѣки. Облюбовали они мѣстность у подножія горы Малой Сары и заложили тамъ небольшой шурфъ, глубиною около 3 хъ сажень, но по недостатку средствъ далѣе продолжать его не могли. Г. горные инженеры Игнатьевъ и Горюшковъ, бывавъ только тамъ, гдѣ пробыли рыться таранчи, остановили свое вниманіе на кони Малой-Сары и продолжаютъ рыть шахту. Средства имъ далъ земекитъ сумъъ (киргизы у насъ за все отбываютъ—и за гимназій, и за губернаторскіе дома). Первые 15 сажень углубленія обошлись уже около 4,600 руб. и еще открыть кредитъ въ 2,500 руб. Мѣстность, гдѣ находится шахта, лежитъ приблизительно 75 верстъ на сѣверъ отъ рѣки Или и отъ Чингильдовъ верстъ 60 на западъ. На глубинѣ шахты до 18 сажень попадались спорадически крошки каменнаго угля. Добьются ли здѣсь благоприятнаго результата, или заруютъ только казенныя деньги, пока трудно сказать, а мы, семирѣчцы (разумеется, не все, а нѣкоторые), по возможности слѣдимъ за этими работами и, отъ души желаемъ жрецамъ науки успѣховъ для пользы края, хотя бы въ далѣкомъ будущемъ. Главные истребители лѣсовъ и топлива у насъ—это вѣлокуренные заводчики. Прежде по этой части въ области былъ единственный монополистъ Кузнецовъ. Пока онъ былъ въ силѣ, его, какъ это часто у насъ ведется, усердно поддерживали власти, не допуская конкуренціи. Но Кузнецовъ палъ и на его мѣсто встаетъ другой—Ивановъ и разводитъ свои заводы. Ему разрѣшаютъ строить заводъ съ условіемъ употреблять каменный уголь, но дѣло кончается тѣмъ, что онъ жжетъ, всетаки, дрова, отъ стараго же Лепсинскаго завода Кузнецова требуютъ теперь отопленія каменнымъ углемъ!

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КИТАЮ Г. Н. ПОТАНИНА *).

Я думалъ, что наконецъ-то я отдѣлался отъ яи. Во всю дорогу отъ Лань-чжеу до Сюнь-хуа-тина я старался избѣгаться отъ нихъ; и въ Лань-чжеу, и въ Хэ-чжеу, и въ Сюнь-хуа-тинѣ я упрашивалъ мандариновъ не посылать ко мнѣ яи, не мучить этихъ бѣдныхъ людей напрасно. Нѣтъ, нельзя! Изъ Пекина былъ такой приказъ, чтобъ давать непременно коповой! Хоть одного возьмите! Ну, одного куда ни шло, на одного даешь согласіе. Завтра выступишь изъ города, глядь—сверхъ возчиковъ лагаютъ возлѣ муловъ три лишнихъ человека. Это—яи.

Когда сюнь-хуа-тинскіе яи ушли въ Нимбэй, я думалъ, что я ихъ болѣе уже не увижу. Не тутъ-то было. Яи хорошо знали обычаи своей страны и вѣрно предугадали, что нимбэйскій мандаринъ не удовольствуется бумагой, скрѣпленной четырьмя печатами бошко: Нимбэйскій мандаринъ г. Чо-вэй-вы дѣйствительно нашелъ эту бумагу не довольно вѣскою, чтобъ на нее положитьсь, не далъ свидѣтельства о моемъ прибытіи, и велѣлъ передать мнѣ, что Ничжа мѣстечко ничтожное и неприличное для моего пребыванія и что я лучше бы сдѣлалъ, если-бъ переселился въ Нимбэй. При этомъ велѣлъ имъ разсказать о несчастіи, которое надѣихъ случилось съ караваномъ, прибывшимъ изъ Халки на поклоненіе въ монастырь Гумбумъ. У богомольцевъ какіе-то воры украли ночью тысячу ланъ серебра. Теперь,—разсказывали яи,—богомольцы каждый день окружаютъ ямынь въ го-

* См. «Вост. Обзоръ», № 30.

родѣ Нимбэй и осаждаютъ г. Чо-вэй-вы жалобами и угрозами жаловаться въ Пекинъ (или какъ переводилъ мнѣ Сандаиъ Джимба: ревуть передъ ямыномъ). Указывая на это печальное событіе, г. Чо-вэй-вы велѣлъ передать мнѣ слѣдующія свои слова: „Мой край кишитъ опасными людьми! поэтому я боюсь, чтобъ чего не случилось съ русскимъ путешественникомъ въ Ничжѣ“. Странная логика у г. Чо-вэй-вы! Чтобъ тебя не обокрали, оставь Ничжу, въ которой нѣтъ поровъ, и поѣзжай въ городъ Нимбэй, гдѣ есть воры.

Я жаловался, что во время пребывания въ городѣ Нимбэй они не только прожили деньги, которыя я имѣю далъ на дорогу, но продали свое верхнее платье и вырученныя за него деньги проѣли; но сколько ни жили они въ Нимбэй, не могли умолить г. Чо-вэй-вы дать имъ требуемую бумагу. Пришлось еще раскошелиться и вновь дать имъ денегъ. Но они не объ однихъ деньгахъ беззаботились. Какъ ливиться къ сюнь-хуа-тинскому мандарину безъ оправдательнаго документа обо мнѣ отъ г. Чо-вэй-вы?

Такъ какъ я и на этотъ разъ отказался поѣхать въ Нимбэй, сюнь-хуа-тинскіе яи стали просить меня, чтобъ я написалъ, по крайней мѣрѣ, письмо къ сюнь-хуа-тинскому мандарину и въ этомъ письмѣ оправдалъ бы ихъ поведение.—„Да вѣдь я не умѣю писать по-китайски!“—возражаю я.—„Напишите по-русски? Нужды нѣтъ, что не по-китайски!“—говорятъ мнѣ. Нечего дѣлать, написалъ я по-русски письмо такого содержания: „Сюнь-хуа-тинскіе яи вернулись изъ города Нимбэй безъ бумаги. Нимбэйскій мандаринъ желаетъ, чтобъ я ирибылъ въ Нимбэй; я же не ѣду и остаюсь въ Ничжѣ. Прошу не взыскивать съ яи“. Эти слова при помощи Кэйсы и перевелъ на саларскій языкъ и потомъ переводъ свой съ грѣхомъ пополамъ рядомъ съ русскимъ письмомъ нацарапалъ турецкимъ алфавитомъ. Можетъ быть, это писанье какънибудь и разберутъ въ Сюнь-хуа-тинѣ!

Яи опять ушли. Послѣ я слышалъ, что сюнь-хуа-тинскій мандаринъ пожаловался въ Сининъ г. Чо-вэй-вы за то, что онъ не далъ обо мнѣ оправдательнаго документа.

Мѣсяць тому назадъ сюда пріѣхалъ военный офицеръ, начальникъ здѣшней милиціи. Это теперь нашъ сосѣдь; въ Сань-чуани онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Хо-лофъ. Въ его проѣздъ черезъ Нимбэй, г. Чо-вэй-вы просилъ его убить меня переѣхавъ въ Нимбэй, но Хо-лофъ отклонилъ его просьбу. Онъ сказалъ г. Чо-вэй-вы: „Русскій путешественникъ живетъ въ моемъ вѣдомствѣ, какъ будто бы у меня въ гостяхъ. Мнѣ неловко предложить ему выѣхать въ Нимбэй. Это все равно, что хозяину выгнать гостя изъ дома“.

Наковецъ, г. Чо-вэй-вы не вытерпѣлъ и самъ прикатилъ въ Ничжу со свитой изъ двадцати человѣкъ. Онъ остановился у нашего знакомаго Хо-лофъ, слѣдовательно въ нашемъ сосѣдствѣ. На другой же день я послалъ Сандаиъ Джимбу съ подарками: съ двумя фунтами китайскаго леденца и русскаго рафинада, и бутылкой краснаго вина и двумя фунтами стеариновыхъ свѣчъ. Въ тотъ же вечеръ г. Чо-вэй-вы прислалъ мнѣ двѣ рыбы и двухъ фазановъ, и велѣлъ сказать, что какъ только толпа просителей, теперь его осаждающихъ, схлынетъ, онъ будетъ радъ видѣть меня у себя.

Вечеромъ я отправился въ домъ г. Хо-лофъ. Г. Чо-вэй-вы визенькій, толстенный и необыкновенно живой мужчина, 40 лѣтъ. Живость его можно приписать тому, что онъ южанинъ; онъ уроженецъ провинціи Квангъ-си.

Онъ имѣетъ лицо расширяющееся и нѣсколько выпученные глаза; верхняя часть лба выдается надъ надбровными дугами. Лицо не изъ красивыхъ, но смотреть неглупымъ и незлымъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, которые онъ мнѣ предложилъ, были: „Что за народъ русскіе? Имѣютъ ли они письменность и книги?“

А на другой день г. Чо-вэй-вы прислалъ ко мнѣ своего секретаря съ листомъ бумаги, на которомъ былъ написанъ рядъ вопросовъ, съ просьбой дать на нихъ отвѣты. Вопросы эти были: „Какое платье носить русскій императоръ? Есть ли при немъ фрейлины? Есть ли въ Россіи первый министръ, или визирь? или всѣ министры равны между собою? есть ли чиновники-женщины?“ Кромѣ того, г. Чо-вэй-вы просилъ прислать ему показать, буде у меня есть, портретъ нашего Государя.

Первую просьбу, т. е. отвѣты на вопросы, я, какъ стумблѣя, удовлетворилъ, послѣднюю же, въ сожалѣнію, не могъ удовлетворить, потому что не думалъ найти въ Средней Азіи человѣка, столь интересующагося нашими дѣлами, и жалѣю, что не взялъ съ собой портретовъ нашего Государя.

Г. Чо-вэй-вы начинаетъ болѣе и болѣе интересоваться мною. Сейчасъ, къ нашему удовольствію, мы услышали отъ мѣстныхъ жителей отзывъ о немъ, какъ о честномъ чиновникѣ, не берущемъ взятокъ. „Народныхъ денегъ не ѣстъ“,—какъ выражались наши монголы. Кто знаетъ, можетъ быть, г. Чо-вэй-вы окажется китайцемъ въ томъ родѣ, какого я давно желалъ видѣть, но до сихъ поръ не находилъ.

Обыкновенно о китайцахъ существуетъ мнѣніе, что они интересуются знаніемъ только двухъ родовъ: это счетъ серебра и процентовъ и знаніе практической жизни. Знакомства, которыя я самъ сдѣлалъ среди китайцевъ, могли служить только подтвержденіемъ этому мнѣнію. Китайцы, которыхъ я звалъ, принадлежали обыкновенно къ среднему классу; это были какойнибудь деревенскій учитель, уѣздный аптекарь, или, вѣрнѣе, дрогистъ, военный офицеръ. Иной изъ нихъ, можетъ быть, и не послѣдній знатокъ въ китайской учености, но всѣ они думали обыкновенно объ одномъ: какъ бы зашибить копейку. Съ такими людьми, не говоря уже о дружбѣ, и пріятнаго разговора не можетъ выйдти. Но вѣдь мы знаемъ, что и теперь есть между китайцами люди, собирающіе географическія и историческія свѣдѣнія. Вотъ съ такими бы встрѣтиться какънибудь, думалось мнѣ. Встрѣться такой человѣкъ, другомъ его, можетъ быть, не сдѣлался бы, но, вѣсѣлки, нашелъ бы въ немъ человѣка, понимающаго, что значить интересоваться наукой. А воешь, не окажется ли г. Чо-вэй-вы такимъ человѣкомъ и не сойдемся ли мы съ нимъ?

КАСТЕРА О СИБИРИ.

Любямъ, занимающимся изученіемъ Сибири, необходимо имѣть въ виду и тѣ свѣдѣнія, которыя сообщались и сообщаются объ ней въ иностранной печати. Къ сожалѣнію, иностранныя книги, особенно серьезныя,—большая рѣдкость въ Сибири, а старинныхъ почти и найти невозможно. Повиютъ, какъ затрудняется этимъ знакомство съ иностранною литературою о Сибири и какъ необходимо пользоваться каждымъ случаемъ расширить это знакомство.

Намъ недавно представился именно такой случай. Намъ попалась старинная и вообще малоизвѣстная въ Россіи французская книга. Это—*"Histoire de Catherine II, impératrice de Russie. Par J. Castéra. 3 t. Paris. An. VIII"*. Солоневъ такъ опредѣляетъ научное значеніе этой книги: „Что касается Кастера, то имъ надобно пользоваться съ большою осторожностью, по съ осторожностью же должно и отвергать сообщаемыя имъ извѣстія. Онъ слышалъ и читалъ много вѣрнаго и невѣрнаго, не имѣя возможности отнестись критически къ своему материалу, не записывая немедленно, а составляя потомъ на память свой разсказъ“ (*Исторія Россіи*, т. 25, стр. 367). Внимательное чтеніе книги Кастера вполне подтверждаетъ этотъ отзывъ. Въ ней достоверныя событія до такой степени смѣшаны съ сомнительными, истина съ вымыслами, преувеличеніями и искаженіями, факты государственной важности съ придворными интригами, что разобраться въ этомъ хаосѣ чрезвычайно трудно. И тѣмъ не менѣе, если исключить нѣкоторые частныя невѣрности, то книга Кастера представляетъ въ общемъ полную и во многомъ правдивую картину екатерининскаго времени. Особенно любопытны замѣчанія о законодательствѣ, о крѣпостномъ состояніи, о нравахъ, о народномъ образованіи.

О Сибири у Кастера говорится немного. У него, очевидно, было недостаточно матеріаловъ для этого, да и по плану его книги, Сибирь могла входить въ нее только эпизодически. Изъ нея трудно даже опредѣлить, какое именно пространство авторъ разумѣлъ подъ Сибирью. Въ приложеніи къ III тому *"Tableau de la Russie"*, онъ раздѣляетъ Россію на Европейскую и Азиатскую; но къ Азиатской Россіи онъ относитъ не только Казанскую и Пермскую, но Пензенскую, Симбирскую, Саратовскую и Астраханскую губерніи: ясно, что это не Сибирь. На картѣ, приложенной къ III тому, показана „Сибирская губернія“ (*"Gouvernement de Sibirie"*); но западная ея граница проходитъ къ востоку отъ оз. Карасунъ (*Charatzun*) и р. Тобола, или отъ 85° долготы по парижскому меридіану; къ востоку—къ западу отъ Енисейска и Красноярска; это вышнія Тобольская и Томская, а по описанію Кастера—Тобольская и Колыванская губерніи. Сколько можно судить по тексту книги, онъ считалъ Сибирью вообще пространство къ востоку отъ Уральского хребта; но въ числѣ сибирскихъ городовъ онъ называетъ иногда не только Екатеринбургъ, но и Уфу, которая находится западнѣе этого хребта. Видно, впрочемъ, что Кастера интересовала Сибирь и тщательно собиралъ всѣ свѣдѣнія объ ней, какія только могъ добыть. Вслѣдствіе этого, статистико-географическія свѣдѣнія о Сибири отличаются у него гораздо большею полнотою и подробностью, чѣмъ такія же свѣдѣнія о другихъ мѣстахъ; они же составляютъ и самую обширную часть извѣстій собственно о Сибири.

Вотъ эти свѣдѣнія:

„Горы Уральскія, которыя въ древности назывались Рифейскими. Цѣнь ихъ начинается у истоковъ Урала и Бѣлой, направляется къ сѣверу, доходитъ до Ледовитаго океана и снова появляется на Новой Землѣ. Самая сѣверная часть ихъ издавна была извѣстна подъ названіемъ Угорскихъ горъ. Отроги этихъ горъ болѣе тянутся къ западу, чѣмъ къ востоку. Самые южные изъ нихъ доходятъ до мѣсть, обитаемыхъ киргизами. Воды, текуція съ этихъ горъ къ западу, впадаютъ въ Печору, Двину и Каму, а текуція на востокъ образуютъ Исеть, Туру и Тавду, впадающія въ Тоболь, и Сосву, увеличивающую своимъ впаденіемъ Обь.

„Сибирскія горы простираются отъ истоковъ Иртыша до истоковъ Енисея и образуютъ южную границу Енисейской провинціи. Самыя высокія вершины и важнѣйшіе склоны ихъ находятся на южной ихъ сторонѣ (*du côté du sud*). Къ востоку отъ Енисея онѣ раздѣляются на вѣтви и занимаютъ болѣе половины Восточной Сибири. Часть этихъ горъ, находящихся (*renfermée*) между Иртышемъ и Обью, называется Алтайемъ. Саянскими горами называются цѣпи, расположенныя между притоками Енисея и Селенгой, а также окружающія Байкаль. Горы, извѣстныя подъ названіемъ Яблоноваго

или Становаго хребта, тянутся по направленію рѣкъ Амура, Лены, Охотскаго берега, Анадыря и проходятъ черезъ Камчатку. Алеутскіе и Курильскіе острова и Японія, вѣроятно, составляютъ продолженіе этихъ горъ“ (III, 188—190).

Моря. Въ числѣ морей, принадлежащихъ Россіи, Кастера, разумѣется, называется „Сѣверный океанъ, который раздѣляется на моря Бѣлое и Карское, и заливы Обскій, Тазовскій, Енисейскій и Ленскій, —и океанъ Восточный, подъ которымъ разумѣются моря Охотское, Камчатское, Курильское и Пенжинское“ (III, 191).

Въ числѣ главнѣйшихъ озеръ Россіи Кастера называетъ Алтай и Байкаль. „Алтай, который называютъ также Алтайскимъ или Телецкимъ озеромъ, находится въ Колыванской губерніи, на границѣ Монголіи. Оно имѣетъ 126 верстъ длины и 84 версты ширины. Изъ сѣверной части этого озера вытекаетъ Бія, которая, соединившись съ Катунью, образуетъ Обь.—Байкаль, обыкновенно называемый Байкальскимъ моремъ, имѣетъ 600 верстъ длины и неравную ширину: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 70-ти, а въ другихъ только 30 верстъ; онъ находится въ Иркутской губерніи, недалеко отъ китайской границы, и очень богатъ рыбой“ (III, 193).

Въ числѣ рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверный океанъ, показаны сибирскія рѣки: „Обь, теченіе которой простирается на 3,000 верстъ. Ниже своего соединенія съ Иртышемъ и Сосвой, она раздѣляется на множество рукавовъ, изъ которыхъ самыя отдаленныя находятся въ 30 верстахъ одинъ отъ другаго. Эта громадная рѣка принимаетъ справа Томь, Чулымъ, Кеть и Вагъ; съ другой стороны теченіе ея (*son cours*) увеличивается Иртышемъ, который беретъ свое начало въ землѣ зюнгаровъ или калмыковъ и принимаетъ въ себя рѣки Омь, Тару, Ишимъ, Вагай, Конду и Тоболь; послѣдняя, съ своей стороны, принимаетъ Исеть, Туру и Тавду. Та зѣ, впадающія въ заливъ того же названія, беретъ начало въ Тобольской губерніи. Енисей, берущій начало въ Алтай, протекаетъ 2,500 верстъ. Устье его, шириною, по крайней мѣрѣ, въ 10 верстъ, только въ половинѣ іюня освобождается отъ льдовъ и снова покрывается ими въ концѣ августа. Съ лѣвой стороны Енисей принимаетъ Абаканъ, Ишогуй (*Ichogouï*) и Туруханъ; съ правой—Верхнюю Тунгуску, которая, вытекая изъ Байкала подъ именемъ Ангары, принимаетъ рѣки Оку и Чуну; вторую Тунгуску, Уду и Нижнюю Тунгуску, которая протекаетъ 1,500 верстъ, начинаясь въ 15 верстахъ отъ Лены. Хатанга принимаетъ въ себя воды Анабары и Оленка и впадаетъ въ очень мало извѣстнаго Хатангинскаго залива. Лена беретъ свое начало въ горахъ, окружающихъ Байкаль. Она течетъ на протяженіи 5,000 верстъ и близъ устья раздѣляется на пять большихъ рукавовъ. Слѣва она принимаетъ Вилюй, который, посредствомъ своего притока Чуны, очень близко подходитъ къ Нижней Тунгускѣ; справа въ нее впадаютъ Кирена, Витимъ, Олекма и Алданъ; послѣдняя рѣка принимаетъ въ себя Амгу, Учтуру (*G' Outschoura*) и Маю, въ которую впадаетъ Юдемъ. Яна беретъ начало недалеко отъ Лены и протекаетъ 800 верстъ. Индигирка течетъ 1,200 верстъ. Колыма протекаетъ 1,500 верстъ“.

„Рѣки, берущія начало изъ горъ, находящихся на востокѣ Сибири, текутъ въ Восточный океанъ. Таковы: Амуръ, который образуется на югѣ Иркутской губерніи изъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни. Изъ нихъ Шилка также образуется изъ соединенія Ингоды и Онона, въ окрестностяхъ которыхъ Чингисъ-ханъ положилъ основаніе могущественной Монгольской монархіи. Аргунъ вытекаетъ изъ Далай-Нора, большого озера, отдѣляющаго Россію отъ китайской Монголіи. Охота течетъ въ Охотское море. Пенжина впадаетъ въ Пенжинскую губу. Анадырь протекаетъ 480 верстъ, между землями чукчей и коряковъ. Камчатка впадаетъ въ море того же названія“ (III, 197—200). Замѣчательно, что уже и въ то время Кастера считалъ Амуръ чисто русской рѣкой.

Въ административномъ отношеніи, по словамъ Кастера, Россія съ 1785 года раздѣляется на 43 губерніи, или намѣстничества. Вотъ какъ онъ описываетъ тѣ изъ нихъ,

которые находились въ пынѣшной Сибири: Кольванская и, раздѣленная на пять округов (cercles). Въ ней три главные города: Кольвань, Семипалатинскъ, Кузнецкъ, въ послѣднемъ 150 домовъ. Въ этой губерніи 170,000 жителей. Тобольская губернія, состоитъ изъ Тобольской и Томской провинцій. Въ ней три болѣе значительныхъ города. Тобольскъ, подъ 58° 12' 30" сѣверной широты, имѣетъ около 2,000 домовъ; Туринскъ, въ которомъ 450 домовъ и 2,640 жителей и Енисейскъ, подъ 58° 35' сѣверной широты, съ 700 домовъ. Населеніе губерній составляетъ 514,700 душъ. Наконецъ, Иркутская губернія раздѣляется на 17 округовъ и состоитъ изъ 4-хъ провинцій: Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской; къ послѣдней принадлежитъ и Камчатка. Въ этой губерніи много городовъ; болѣе важные изъ нихъ: Иркутскъ (1,300 домовъ), Киренскъ, Нерчинскъ (150 домовъ), Удинскъ (160 домовъ), Якутскъ (600 домовъ), находящійся подъ 62° 1' 30" широты, — въ окрестности его былъ со-сланъ знаменитый Меньшиковъ (!); Охотскъ, Авача или Св. Петра и Павла, гдѣ останавливался (que rѣchase) Кукъ, и Нижнекамчатскъ. Въ этой губерніи 375,150 жителей (III, 220—222).

Но, кромѣ 43 губерній, Россіи принадлежитъ еще много острововъ между Камчаткой и берегами Японіи.

Курильскіе острова, на Тихомъ океанѣ, находятся въ 1,300 верстахъ къ юго-западу отъ южной оконечности Камчатки. Русскіе открыли и мало-по-малу подчинили ихъ себѣ послѣ завоеванія Камчатки. Ихъ считается до 21 острова, часть которыхъ заселена народомъ, въ некоторыхъ отношеніяхъ похожимъ на камчадаловъ, но отличающимся и отъ нихъ, и отъ всѣхъ другихъ сибиряковъ, черною и густою бородой и болѣе мягкимъ характеромъ и нравами. Жители Курилъ издавна ведутъ торговлю съ Японіей. Они пи-

таются рыбой, а также мясомъ и жиромъ морскихъ животныхъ, кожи которыхъ служатъ имъ одеждой. Каждые два или три года русскіе посылаютъ къ этимъ островамъ корабли, чтобы получить податъ, состоящую изъ бобровыхъ, лисьихъ и другихъ шкуръ. Многие изъ этихъ острововъ покрыты вулканическимъ пепломъ, бесплодны, необитаемы и совершенно лишены воды и лѣса. Но на обитаемыхъ островахъ находятся животныя разныхъ родовъ, а также рѣки, богатая рыбой и морскою дичью.

„Алеутскіе острова разсыяны по Восточному океану къ востоку отъ Камчатки. Ближайшіе къ Россіи называются Беринговыми, Командорскими и Мѣдными и находятся только въ 200 верстахъ отъ устья рѣки Камчатки. Слѣдующіе за ними острова называются Средне-Алеутскими, или Андреевскими, и простираются до 210° долготы отъ меридіана острова Ферро. Тѣ, которые находятся еще далѣе, называются Лисими. Это самыя большіе, лучше населенныя и самыя выгодныя для Россіи. Всѣ Алеутскіе острова находятся между 51° и 37° сѣверной широты. Всѣ они безлѣсны, гористы и имѣютъ очень крутые берега. На некоторыхъ изъ нихъ находятся вулканы, горячіе ключи, озера и быстрыя рѣки. Обитатели ихъ, по чертамъ лица, языку, нравамъ и обычаямъ, очень походятъ на американскихъ эскимосовъ и на гренландцевъ; повидимому, они принадлежатъ къ тому же племени. Число ихъ недостаточно извѣстно; но острова вообще кажутся очень населенными. Почти всѣ платятъ дань Россіи; многие понимаютъ русскій языкъ, которому они учатся у русскихъ звѣролововъ, обыкновенно живущихъ на этихъ островахъ по четыре года сряду“ (III, 222—224).

(Продолженіе будетъ).

В. Вагнъ.

ВЪ ДЕРЕВНЮ!

(изъ записокъ сибиряка).

— Нѣтъ, вы переѣзжайте на дачу, — это васъ поправитъ, — вотъ, напримѣръ, въ Колломяги или въ Лѣсной.

Такъ говорили мнѣ знакомые, видя, какъ я начиналъ хирѣть при наступленіи каждаго петербургскаго лѣта.

— Въ Колломяги? — воскликнулъ кто-то съ презрѣніемъ: — еще бы предложили Новую Деревню! Ужъ если выбирать, такъ Заманиловку. Лучшее мѣста не найдете!

Но, увы, я не соблазнялся дачной жизнью. Я видѣлъ, какъ мимо оконъ тинулись воза каждую весною съ диванами, банками тощихъ комнатныхъ цвѣтовъ, эмигрировавшихъ вмѣстѣ съ дачниками, съ прислугой, дремавшей на верху пирамиды изъ кровати и корзины, и меня только болѣе разбирала тоска и злость.

Даже Сиверская (станція за Гатчинымъ), съ своей рѣчкой, напоминавшей мнѣ горную алтайскую рѣчку Уладу, и съ темнымъ, густымъ хвойнымъ паркомъ, окружающимъ дачи, съ живописными окрестностями, гдѣ лучшіе художники пейзажисты, какъ И. И. Шипкинъ, проводили лѣто, — не вызвали во мнѣ восторговъ. Мнѣ хотѣлось видѣть настоящей лѣсъ, настоящее поле, настоящую деревню. Мечты таяли куда-то далеко къ дѣвственнымъ лѣсамъ, гдѣ въ темной зелени цвѣтутъ темныя сараны, гдѣ пышно поднялись большія лиліи, гдѣ ничто и никто не нарушаетъ тишины лѣса. Хотѣлось замѣнить шумной, душной улицы съ каменной мостовой, поливаемой помпами, вмѣсто каменныхъ громадъ раскаленнаго гранита и камня — видѣть простую рѣчушку и колосистыя

поля; хотѣлось пожить въ маленькой захолустной деревнюшкѣ въ обществѣ добрыхъ простыхъ людей, съ ихъ патриархальной простотой, съ просторомъ полей и деревенской непри- нужденностью.

Я вспомнилъ кстати приглашеніе одного моего пріятеля, жившаго въ одной изъ внутреннихъ российскихъ губерній, который звалъ меня къ своимъ роднымъ, въ имѣнье, хотя не надолго, „для общенія съ народомъ“, какъ онъ выражался. Такъ какъ я никогда не видалъ российскихъ деревень и мнѣ хотѣлось сравнить ихъ съ нашими сибирскими, то я рѣшился ѣхать, да и болыю тоска задала. Губернія была прекрасная — съ фруктовыми садами, мягкимъ климатомъ.

И вотъ я соблазнился. Мнѣ рисовалось, какъ я буду проводить время въ глуши, на покосахъ съ мужиками, какъ я буду шляться въ лѣсу, спать на стогахъ сѣна... точь въ точь какъ въ мое блаженное дѣтство въ Сибири.

Быстро собравшись, я уже сидѣлъ въ вагонѣ и подъ влияніемъ свѣжаго воздуха вдругъ почувствовалъ, что я становлюсь другимъ человѣкомъ: тонусъ сердца, первое пони- зился, голова стала яснѣе, искусственная возбужденность прошла. Какую же разницу подъ влияніемъ этого воздуха представляетъ организмъ деревенскаго и городского жителя срав- нительно съ интеллигентнымъ человѣкомъ шумной столицы! Я вспомнилъ добродушное, краснощекое лицо моего пріятеля, дышащее деревенскимъ здоровьемъ.

Вагонъ стучитъ, вѣтеръ врывается въ окна. Точь въ точь будто мчишься на тройкѣ,—только какая разница, если сравнить съ нашимъ сибирскимъ просторомъ! Тамъ дѣйствительно находишься въ дорогѣ: ямщикъ, телега, толчки и полировка крови во всѣхъ направленіяхъ, вѣтеръ—такъ ужъ шапку держи, воздухъ—такъ ужъ бочками пей его, солнце—такъ ужъ до того прищечетъ, что кожа съ носа начнетъ сплываться; словомъ, все съ усиленной пропорціи, а здѣсь все умѣренно, ровно, монотонно, однообразно, какъ вотъ это легкое нерво-возбуждающее колебаніе вагона, причиняющее и раздраженіе, и расслабленіе разомъ. Кругомъ видишь блѣдныя, утомленные, скучающія лица. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ выходимъ мы въ вокзалахъ при всякой остановкѣ, причемъ самыя станціи представляютъ собой буфетъ какого нибудь петербургскаго гулянья: бѣлыя скатерти, вазы, цвѣты, бутылки винъ; изящные гвардейцы расхаживаютъ подъ руку съ дамами; изысканно одѣтый франтъ торопливо застегиваетъ пиджакъ и ищетъ цилиндръ при выходѣ на этихъ станціяхъ. Кругомъ подстриженные садики и казенныя цвѣтники. Порціи съ предупредительными лакеями вездѣ щекотали аппетитъ, однако онъ весьма мало прельщали меня; блюда я находилъ холодными, а цѣны горячими, и, кромѣ того,—что гораздо хуже,—прогорклое масло и разные купоросныя приправы, отъ которыхъ путникъ получить только удивительную ижжогу. Я вспомнилъ тѣ припасы, которыми снабжаетъ сибирская деревня. Правда, въ бѣдной деревнѣ щей не всегда найдешь, но въ зажиточныхъ селахъ чего нѣтъ—прелестная стерлядь, нельма, обиліе мяса. Подадутъ молоко, смѣтанку, масло отъ своей коровушки, яйца,—по крайней мѣрѣ, не отравившись, а поѣшь съ такимъ аппетитомъ, какъ никогда не приводилось.

Вотъ, наконецъ, и маленькая станція, откуда пужло ѣхать на лошадахъ къ пріятелю. Давно я видѣлъ около станцій желѣзныхъ дорогъ тройки, развозящія помѣщиковъ. Но это не были тройки настоящія, деревенскія: ямщики смотрѣли кучерами, на головѣ шляпченка съ обциланымъ павлиньимъ перомъ; правда, костюмъ представлялъ иногда ужасную обтрешанность, но павлинье перо было величественной кокардой; сбруя въ бубенчикахъ, дуга росписная точь въ точь какъ на гуляньяхъ, и публика ѣхала на такихъ тройкахъ точно на пикникъ—въ шляпкахъ, съ зонтиками. Это были возницы помѣщиковъ, культура крѣпостнаго права.

Вспомнились иныя тройки и иные ямщики, вольные сибирскіе дружки *); лихой бойкій парень ямщикъ—въ рубахѣ парусомъ, безъ шапки, онъ изрѣдка приподнимается на высокихъ козлахъ, а удалая тройка мчится вихремъ. Припомнилась и еще родная картина, о которой говорится у сибирскаго поэта:

Ясный день. Вѣдутъ лошадки ровно;
Мягкій свѣгъ подъ взмахами копытъ
Раздается съ ласкою любовной
И слегка валетаешь и скрипятъ.
Лучъ весны ужъ крадется по свѣгу,
Зелень хвоевъ темную согрѣвъ.
Вдемъ мы, и тихо вторитъ бѣгу
Ямщика задумчивый напѣвъ.

Вдемъ мы опушкою лѣсною.
Сѣта гладь, какъ мягкая постель,
Облегаешь бѣлой пеленою
И сосну, и сумрачную ель.
И стоять въ вѣномъ великолѣннѣ
На краю ихъ стройные ряды,
А въ свѣгу и росышью, и цѣпью
Объ плетутъ извилиной слѣды.

Здѣсь ничего подобнаго ни зимой, ни лѣтомъ не увидишь. Вотъ я трисую на какой-то полугородской тележкѣ. Кругомъ голая точно выжженная и вырубленная мѣстность, которая мнѣ напомнила акмолинскую степь, съ тою разницею, что послѣдняя представляетъ богатая пастбища—тебеневки, удобныя для скота на подножномъ корму, а здѣсь была обезлѣсенная, выпаханная, выжженная и истонченная земля. Почва не родила безъ удобренія, безъ страшныхъ усилій земледѣльца. Кругомъ горизонта на огромное пространство не видно было ни куста.

— Гдѣ же лѣса у васъ?—спрашивалъ я ямщика.

— Какіе лѣса? Нѣтъ лѣсовъ, вырубилъ!—отвѣтилъ ямщикъ и даже подивился моему вопросу.

— Но вѣдь гдѣ нибудь въ уѣздѣ есть же?

— Верстѣ пятнадцать отсюда у помѣщика есть, а у насъ нѣтъ.

Пятнадцать верстѣ отсюда!—и я вспомнилъ, какъ у насъ, мало того, что самыя степи въ избыткѣ покрыты такъ называемыми березовыми „колками“, но временами на десятки верстѣ тянутся дремучіе лѣса, да какіе лѣса!

И стоять таинственно и строго
Въ серебрѣ и сумракѣ лѣса;
А за ними горные отроги
Алтарами всходятъ въ небеса,
И, гора на синемъ небѣ сводѣ,
Пламя солнца жжетъ издалека.

Я думалъ объ этихъ лѣсахъ, о привольныхъ пастбищахъ и покосахъ, гдѣ трава въ ростѣ человѣка, гдѣ косцамъ другъ друга не видать, гдѣ земля не требуетъ удобренія..

— А вотъ въ Сибири—такъ не то, что ваша земля,—сказала невольню я:—тамъ добрый черноземъ, да и травы-то получше вашихъ.

— Гдѣ?—сказалъ изумленно ямщикъ.

— Въ Сибири.

— Это гдѣ люди-то подъ землей ходятъ!..

Пришлось читать географію сему русскому простецу. Успокоился я тѣмъ, что знакомить съ самыми элементарными свѣдѣніями о Сибири мнѣ приходилось не однимъ мужикомъ, а и многихъ русскіихъ дамъ и мужчинъ въ различныхъ салонахъ, причемъ послѣдніе, будучи не менѣе легковѣрны, чѣмъ мужики, однако, всегда бывали болѣе упорны въ своихъ предразсудкахъ о Сибири.

Черезъ нѣсколько минутъ мой ямщикъ началъ развѣвать ротъ отъ изумленія и умиленія. Между тѣмъ, убогая тройка тощихъ и жалкихъ лошадей тащила насъ по унылой и пыльной дорогѣ, изрѣдка торчали по сторонамъ этой дороги жалкіе верстовые столбы. Дорога была безлюдная, главное движеніе совершалось по желѣзнымъ дорогамъ; обезлюдѣли дороги и прамыя, и побочныя. Проѣзжій трактъ потерялъ всякое значеніе въ Европейской Россіи, и постоянные дворы остались лишь въ драмахъ Островскаго.

Проѣхали жалкіи мостикъ, въ сторонѣ видѣлись какіе-то

*) Дружки, вольные ямщики, составляютъ сильную артель и везутъ по знакомымъ отъ города до города.

хутора, проѣхали черезъ жалкую деревню съ хижинами, крытыми соломой, иль, скорѣе, навозомъ, и однимъ полукирпичнымъ домомъ старосты, который, однако, нисколько не напоминалъ дома зажиточнаго сибирскаго крестьянина, но вотъ мелькнулъ прудъ, какой-то садъ, и мы въѣхали въ усадьбу. Кругомъ были приличныя городскія постройки.

Едва тройка моя съ бубенцами въѣхала въ ворота, какъ на крыльцѣ большаго дома показался мой знакомый, краснощекий, привѣтливый, веселый, въ щегольскомъ лѣтнемъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ съ лентами.

— А я, братъ, собрался къ вамъ на лоно природы...

— И отлично придумалъ!—воскликнулъ пріятель.—Пора, давно пора поближе къ народу, въ деревню, а то Богъ знаетъ, что воображаете вы въ столицахъ по своимъ книгамъ, да и деревенская жизнь преобразить твое здоровье...

— За тѣмъ, братъ, и пріѣхалъ... первы...

— Знаю, знаю, ха-ха-ха...—смѣялся краснощекий пріятель.—Ну, пойдѣмъ же во флигель, для тебя есть тамъ и комната съ комфортомъ. Наконецъ, тебѣ надо переодѣться...

— Да, я съ удовольствіемъ, я, знаешь, старое парусинное пальтишко взялъ и большіе сапоги, и ружье у меня есть. Знаешь, чтобы совсѣмъ подеревенски. Даже крахмальную рубашку одну захватилъ...

— Ну да, ну да, мы всё это успѣемъ, а теперь я тебѣ предложу, ты ужъ одѣнься, братъ, полегантнѣе въ полный туалетъ...

— Въ деревнѣ-то?.. я, братъ, подъ кустомъ хочу полежать...

— Говорю же,—успѣемъ. Я тебя долженъ представить своимъ. У насъ пріятное общество: дядя, одинъ агрономъ изъ Москвы, кузины—прелестныя институтки, у нихъ кавалеры, затѣмъ сосѣдъ—любитель лошадей и охотникъ и, наконецъ, сосѣдка—помѣщица; я тебѣ, кажется, говорилъ о ней—такая бойкая, belle femme, въ нуцовой капотѣ... Ты пріодѣнься...

— Я готовъ, у меня есть платье; только извини, я ожидаю, что въ деревнѣ...

— Да ничего, мы извинимъ, а если что нужно, я тебѣ дамъ изъ своего туалета.

Скоро мы были во флигель въ приличной комнатѣ съ диванами, картинами и письменнымъ столомъ. Прежде всего я очутился, конечно, около умывальника и терся тщательно мыломъ.

— Вотъ тебѣ мой одеконъ!—услужливо предложилъ пріятель, продолжая болтать.

Я уже началъ одѣваться въ полную форму и бѣлый галстухъ.

— Ты говоришь, эта дама, въ атласномъ капотѣ, съ придворными близко знакома?—съ робостью спрашивалъ я.—Вѣдь я не ожидалъ у васъ такого общества.

— Да ты не беспокойся, мало ли что она говорить. Она простая и сама въ охотничьихъ сапогахъ ходитъ...

— Т. е. какъ же—въ атласномъ капотѣ и охотничьихъ сапогахъ?..

— Да вотъ увидишь! Она презанимательная и положительно демократъ. Мы будемъ сегодня пить чай на террасѣ. Къ 10-ти часамъ соберется всё общество.

— А вы развѣ не спите въ 10 часовъ?.. Я думалъ—въ деревнѣ...

— Помилюй, братецъ, только вечеромъ у насъ поэзія...

Передъ отходомъ пріятель меня даже надушилъ. Мы отправились къ деревенской компаніи. Прошли дворъ, прекрасный садъ съ дорожками, клумбами цвѣтовъ и очутились на террасѣ. Терраса дѣйствительно была роскошная, увитая дикимъ виноградомъ и вьющимися растеніями, съ бѣлыми и розовыми цвѣтами; красивыя клумбы цвѣтовъ расположились на площадкѣ, усаженной развѣсистыми деревьями; вечеръ былъ теплый, съ мягкимъ вѣвающимъ воздухомъ. Запахъ цвѣтовъ былъ сильно распространенъ. Я очутился на террасѣ, гдѣ уже былъ сервированъ чай, со всѣми принадлежностями.

Здѣсь я нашелъ тучнаго дядюшку, моего знакомаго бодраго, краснощекаго старика, у котораго шло отлично хозяйство, благодаря тому, что онъ спускалъ ежегодно то одинъ, то другой участокъ лѣса; его жена предобрая помѣщица, занятая вѣчно очищеніемъ ягодъ и приготовленіемъ варенья, подносившая мужу потомство и вкусныя яблоки. Мужъ звался Еввой Ивановой и постоянно острелилъ, что ея яблоки кисловаты, но безвредны. Московскій агрономъ былъ тощій болѣзненный челоуѣкъ, онъ весьма хорошо разсуждалъ о плугахъ Эккерта, но ни одного поля въ свою жизнь не видалъ; остальное общество состояло изъ молодаго сосѣда въ русскомъ костюмѣ и шолковой рубашкѣ, изъ сосѣдки въ нуцовой капотѣ, выдававшей себя за замѣчательнаго энциклопедиста и увѣрявшей, что она отлично дѣлаетъ простоквашу и пишетъ превосходно французскіе стихи; дальѣ фигурировали—институтки въ шитыхъ русскихъ лѣтнихъ костюмахъ съ бусами и за ними, какъ всегда, „мухи“, т. е. нѣсколько безусыхъ недорослей.

Молодое общество сначала носилось по саду и оглашало садъ криками и хохотомъ.

Пріятель мой отрекомендовалъ меня старичкамъ, и я усѣлся между старушкой, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ и въ соломенной шляпѣ, и молодымъ будущимъ землевладельцемъ, пока тупо коварявшимся въ посе и бившимъ мухъ.

Дядя—помѣщикъ толковалъ о посѣвахъ виргинскаго табаку и кукурузы, агрономъ настаивалъ на посѣвахъ маиса; объ обыкновенныхъ хлѣбахъ я ничего не слышалъ, вскользь жаловались на рабочую плату, на распущенность мужика. Пріятель мой сіялъ.

— Ты вѣдь ничего не понимаешь въ хозяйствѣ, а еще описываешь народъ, не вида деревни,—говорилъ онъ.—Прислушайся-ка!

Словомъ, въ этомъ воплѣ деревенскимъ обществомъ и долженъ былъ сыграть даже козла отпущенія, какъ поклонникъ городской жизни: такая мнѣ роль была назначена. Время шло весело, всѣ говорили, а главное всѣ ѣли. По крайней мѣрѣ, 4 женскихъ прислуги прислуживали обществу, не считая старой экономки, разливавшей чай. Хозяйство, какъ видно, было обширное.

Молодое, безпечное общество имѣло прекрасный аппетитъ.

Шоль веселый говоръ, смѣхъ, рассказы о дневныхъ прогулкахъ. Я чувствовалъ, что будто я и не выѣзжалъ изъ столицы.

— Нѣтъ, ты пойми,—говорилъ пріятель:—какими мы пользуемся удобствами. Ты въ либеральномъ обществѣ, желѣзная дорога приноситъ газеты, и въ то же время ты въ средѣ на-

рода, на деревенскомъ воздухѣ. Вѣдь это цивилизація, а не ваша сибирская глушь.

— Согласенъ!

Институтки и гувернантка были такъ изящны въ лѣтнихъ платьяхъ, кавалеры такъ элегантны; они гуляли по саду, облитому уже луною. Прудъ и темныя деревья представляли фантастическую картину. Въ аллеѣ дымились чья-то сигара.

— Нѣтъ, что наше экстензивное хозяйство должно дойти до этого...

— Позвольте, а что говорить Генри Джорджъ...—раздавалось на террасѣ.

— Интеллигенція!... гдѣ-то выкрикивалъ мой либеральный пріятель.

Я вышелъ въ садъ; онъ дышалъ прохладой, огромный вѣвъ, распростеревъ вѣтви, живописно, какъ рѣзной, рисовался на темномъ небѣ. Слышался легкій шелестъ листьевъ, какой-то мелодическій шопотъ въ кустахъ и вѣжащей струею дился запахъ липъ, блоннъ вмѣстѣ съ цвѣтущей сиренью. Терраса красиво освѣщалась матовой лампою; я сѣлъ на скамейку въ темной аллеѣ; въ кустахъ тамъ же неся таинственный шопотъ. Вдругъ изъ темныхъ оконъ вырвался аккордъ, другой, и задумчивые звуки Бетховена начали литься съ замирающею тоскою... Садъ еще болѣе преобразился подъ этими звуками. Они замолкли, а за прудомъ зацелкала соловей и въ кустахъ опять шопотъ—точно кто-то повторялъ безконечно сладкія, замирающія рѣчи любви...

Мнѣ вспомнился Тургеневъ, Гончаровъ. Я былъ въ новой обстановкѣ.

И въ моемъ сердцѣ зазвучало что-то давно прошедшее, но не забывавшееся... Такъ вотъ она—поэзія-то!—мелькнуло въ умѣ. Такъ вотъ что воспитывало здѣсь цѣлыя поколѣнія! Вотъ чѣмъ объясняется прелестное, веселое расположение духа и дышанціи здоровьемъ цвѣтъ лица моего пріятеля!

— Вотъ онъ гдѣ, вотъ онъ гдѣ!—воскликнулъ пріятель:—онъ мечтаетъ, каковъ! а представь себѣ, я бѣгалъ къ сосѣду. Каковы подлцы!—у насъ опять украли изъ амбара муку. Ну, подлцы!

— То есть кто же это подлцы?

— Да вотъ ты кого описывать-то пріѣхалъ...

— Послушай, посоветишь, кого я описывать пріѣхалъ?!

— Нѣтъ, ты не скривайся, мужички-то ваши, вѣдь вы все ихъ защищаете...

— Никого я не защищаю.

Долго мой либеральный пріятель говорилъ, какъ онъ жаждетъ добра мужикамъ, и какіе они, между тѣмъ, свиньи...

— Однако, пойдемъ спать,—рѣшилъ онъ:—въ деревнѣ непременно нужно рано ложиться.

По пути онъ остановился на дворѣ и раздавалъ какія-то приказанія караульнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ шумъ.

— Гони, гони, запирай! Завтра разберемъ.

— Чья?—послышался вопросъ.

— Марфина!—отвѣчалъ мужичій голосъ.

За воротами слышался старушничій, надтреснутый крикъ. усовѣщиванія, мольба.

— Ну, ну, пропастина!—раздалось взключеніе, и во дворѣ кого-то вогнали.

Пшумѣвъ на дворѣ, пріятель явился и, думалъ, что я улечусь, быстро раздѣлся въ сосѣдней комнатѣ и чрезъ минуту захрапѣлъ.

Я ничего не понималъ въ этой деревенской жизни и ей сценахъ.

Была ночь. Изъ сосѣдней усадьбы раздавался лай и вой собакъ. Гдѣ-то слышались оклики караульныхъ. Какой-то сосѣдній помѣщикъ поручилъ своему холопу стрѣлять для утрашенія мужиковъ-воровъ изъ стараго самозала; слышался выстрѣлы точно изъ пушки. Да что же это—осадное положеніе?!—мелькнуло въ моемъ умѣ.

По дорогѣ взключеніе два добъзкахихъ прогнали лошадей.

— Что,—окрикнули караульные:—опять погравы?..

— Съ погравы...—раздался голосъ. Топотъ исчезалъ.

Кто-то изъ караульныхъ зѣвнулъ парасиѣвъ и лѣниво постучалъ въ доску.

Опять послышался топотъ, но болѣе тяжелый и медленнѣй.

— Къ кому?

— Къ Льву Ивановичу!

— Ну, этотъ задасть, не спуститъ!

Въ головѣ моей было смутно, мелькнулъ садъ, облитый луною, прозвучали чудные аккорды, таинственная пара мелькнула, какой-то звучный баритонъ взялъ ноту, а потомъ...

— Ну-ну, пропастина!—а затѣмъ послышался тихій, надрывающійся плачь старухи. Не Марфа ли?

Я очнулся и изумился. Въ пикейномъ жилетѣ, вычищенномъ сюртукѣ, въ часахъ и въ бѣломъ галстукѣ, я сидѣлъ у стола и дремалъ, забывъ раздѣться и лечь. На небѣ блеснуло яркій свѣтъ, стало свѣтать. Боже мой! вѣдь скоро утро, къ чаю они появятся здоровые, свѣжіе, розовые а я?!... Ахъ, эти проклятые нервы!

Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— По словамъ берлинскихъ газетъ, переговоры между Россією и Англійей изъ-за афганскаго вопроса подвигаются такъ медленно впередъ вслѣдствіе неудовлетворительныхъ географическихъ данныхъ о спорной мѣстности, которыми располагаютъ обѣ державы. Стороны руководствуются въ своихъ заключеніяхъ составленною г. Стифенсомъ картою и нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями, добытыми на мѣстѣ англійской пограничной комиссією и сообщенными лондонскому кабинету сэромъ Лемсденомъ. Между тѣмъ данныя, добытыя англійскими офицерами, находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ свѣдѣніями, находящимися въ распоряженіи русскаго генеральнаго штаба и г. Лессара. Главнымъ камнемъ преткновенія является, какъ извѣстно, Зюльфагаръ. Русское правительство жаждетъ, чтобы рѣшеніе и этого вопроса было предоставлено усмотрѣнію смѣшанной англо-русской комиссіи на мѣстѣ, и если бы лондонскій кабинетъ принялъ это предложеніе, то комиссія могла бы немедленно приступить къ дѣлу. Но лондонскій кабинетъ, какъ извѣстно, отклонилъ это предложеніе. Русское правительство занялось съ своей стороны, болѣе точнымъ изслѣдованіемъ спорной территоріи, что дастъ ему возможность прійти къ самостоятельному и опредѣленному рѣшенію этого вопроса. Полагаютъ даже, что русское правительство намѣревается послать въ Зюльфагаръ специальную русскую комиссію, для изслѣдованія этого вопроса, и въ то же время потребовать

удаленія афганскихъ войскъ, съ цѣлью отклонить столкновеіе.

— Дѣла англичанъ въ Египтѣ улучшаются помимо ихъ стараній. Разнеслись слухи о смерти Махди. Слухи эти все болѣе и болѣе подтверждаются, такъ что въ настоящее время уже перестали сомнѣваться въ смерти мусульманскаго дже-пророка, Калифъ-Абдула, объявившій себя преемникомъ Махди, долженъ будетъ бороться за власть съ Османъ-Дигмою и съ другими соперниками.

— Въ газетѣ „Times“ напечатано письмознаменитаго англійскаго изслѣдователя Самуэля Бекера объ египетскихъ дѣлахъ. Разматривая положеніе дѣлъ, создаваемое для Египта смертію Магди, сэръ Самуэль Бекеръ предлагаетъ слѣдующія средства для восстановленія порядка въ этой странѣ: 1) назначеніе принца Гассана, брата хедива, вице-королемъ Судана; 2) назначеніе Гуссейна-Калифы-паши, прибывшаго недавно въ Каиръ изъ лагеря Магди, — шейкомъ арабовъ пустыни; 3) посылку экспедиціи, состоящей изъ 10,000 турокъ, въ Кассалу и въ Верберъ, причемъ англичане и египтяне остались бы въ Донолѣ; 4) амнистію, которую даровалъ бы хедивъ, и отмену всѣхъ египетскихъ налоговъ, за исключеніемъ дани, взимаемой съ племенъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, черезъ годъ, — какъ надѣется сэръ Самуэль Бекеръ, — миръ будетъ восстановленъ въ Суданѣ, и Суакимо-берберская желѣзная дорога можетъ быть наконецъ построена.

— Совершилось бракосочетаніе младшей дочери королевы Викторіи принцессы Беатрисы съ принцемъ Генрихомъ-Морицомъ Баттенбергскимъ, роднымъ братомъ князя Александра Волгарскаго. Послѣдній по сему случаю ѣздилъ въ Лондонъ.

— „Journal de S.-Petersbourg“ сообщаетъ, отъ 25 іюля, что „состоялось обычное ежегодное свиданіе императоровъ германскаго и австрійскаго, отличавшееся отъ свиданій предыдущихъ лѣтъ только тѣмъ, что оно произошло въ Гастейнѣ, а не въ Ишлѣ, такъ какъ преклонныя лѣта императора Вильгельма заставили его избѣгать поѣздки изъ Гастейна въ Ишль, гдѣ маститый монархъ обыкновенно каждое лѣто навѣщаетъ своего августѣйшаго кузена и союзника. „Wiener Abendpost“ вполнѣ справедливо привѣтствуетъ регулярность этихъ свиданій, видя въ нихъ не только залогъ близости и дружбы двухъ имперій, но признакъ и ручательство за сохраненіе общаго мира“.

— По свѣдѣніямъ „Schlesische Volkszeitung“, извѣстное распоряженіе о высылкѣ русско-подданныхъ поляковъ изъ прусской территоріи начинаетъ примѣняться и къ тѣмъ изъ нихъ, которые состоятъ студентами Бреславльскаго университета.

— Редакторъ варшавскаго журнала „Kłosy“ получилъ изъ Магдебургской крѣпости письмо отъ Крашевскаго, въ которомъ извѣстный польскій писатель заявляетъ, что здоровье его поправилось въ послѣднее время, такъ что онъ отказался отъ разрѣшенія ему тюремнымъ начальствомъ поѣздки на воды.

— Телеграмма изъ Нью-Йорка, отъ 28-го іюля, сообщаетъ, что состоявшіяся похороны генерала Гранта были очень величественны. Похоронная процессія растянулась почти на шесть англійскихъ миль. Биржа и всѣ магазины были закрыты.

— По словамъ газетъ, надняхъ въ греческой палатѣ депутатовъ произошелъ скандалъ. Одинъ ораторъ, Эфтаксія, обсуждая правительственный проектъ о табакѣ, потребовалъ отсѣлки его въ комиссію. Это предложеніе почему-то не поправилось министерскимъ депутатамъ. Болѣе сорока человекъ бросились на Эфтаксію и избили его. Шумъ былъ такъ великъ, что засѣданіе пришлось закрыть.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Для предварительной разработки вопросовъ, возникающихъ по дополнительнымъ сборамъ, и для рассмотрѣнія жа-

лобъ на губернскія податныя присутствія при департаментѣ мануфактуръ образуется особое присутствіе подъ предѣлательствомъ директора департамента, въ составѣ членовъ общаго присутствія департамента, трехъ лицъ по избранію совѣта мануфактуръ, петербургскихъ городского головы, предсѣдателя управъ губернской, земской и купеческой и биржеваго комитета. Постановленія податныхъ присутствій исполняются предѣлелемъ. Губернатору предоставляется право протестовать въ семидневный срокъ постановленія податныхъ присутствій. Обжалованіе постановленій пательщикомъ не останавливаетъ ихъ исполненія. Дворянскіе городскіе банки облагаются процентнымъ сборомъ въ томъ лишь случаѣ, если они уплачиваютъ гильдію.

— На рассмотрѣніе правительства будетъ, какъ слышно, внесенъ проектъ учрежденія общества помощи погорѣльцамъ. Цѣль общества — оказывать помощь всѣмъ пострадавшимъ отъ пожара, гдѣ бы онъ ни случился. Кромѣ членскихъ взносов, общество будетъ собирать пожертвованія „на погорѣльцевъ“, устраивать концерты, балы и пр.

— Учрежденная въ декабрѣ 1882 года въ Новочеркаскѣ подъ предѣлательствомъ генераль-маіора Кутейникова комиссія для составленія проекта новаго законоположенія объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія въ земляхъ Войска Донскаго, нынѣ окончила свои занятія. Благодаря участію приглашенныхъ въ эту комиссію, въ числѣ 106 лицъ, представителей отъ землевладѣльцевъ, станичныхъ и сельскихъ обществъ, торговаго сословія, коннозаводчиковъ, домовладѣльцевъ, пахотвладѣльцевъ и войска, ею выработанъ проектъ земскаго устройства соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и бытовымъ особенностямъ области Войска Донскаго.

— На утвержденіе медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ представленъ уставъ по обязательному страхованію скота, выработанный исковскимъ губернскимъ земствомъ.

— Въ настоящее время однимъ изъ специальныхъ врачей предпринята поѣздка во внутреннія губерніи съ цѣлью собранія свѣдѣній о русскихъ народныхъ врачебныхъ средствахъ вообще и, между прочимъ, о такихъ, неразумное пользование которыми можетъ отозваться вредно на здоровьѣ. Докладъ о результатахъ этихъ изслѣдованій будетъ сдѣланъ осенью въ одномъ изъ нашихъ медицинскихъ обществъ.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано: „Озабочиваясь своевременнымъ введеніемъ въ Харьковскомъ и С.-Петербургскомъ технологическихъ институтахъ Высочайше утвержденной 3-го сего іюля форменной для студентовъ сихъ институтовъ одежды, министерство народнаго просвѣщенія предложило начальству подлежащихъ учебныхъ округовъ ввести упомянутую форму съ начала 1885—1886 учебнаго года, обязавъ вновь поступающихъ въ поименованныя институты и состоящихъ на I и II курсахъ С.-Петербургскаго технологическаго института слушателей носить форменную одежду; слушателямъ же III, IV и V курсовъ С.-Петербургскаго технологическаго института предоставить донашивать партикулярное платье втеченіе трехъ лѣтъ“.

— Согласно ходатайству начальва Харьковскаго ветеринарнаго института, взимаемая со студентовъ сего института плата за слушаніе лекцій возвышена, съ начала 1885—1886 учебнаго года, до сорока рублей въ годъ.

— На запросъ, сдѣланный ѣ. управляющимъ Казанскимъ учебнымъ округомъ касательно платы за слушаніе лекцій въ университетѣ, министерствомъ народнаго просвѣщенія разъяснено, что существующія на этотъ предметъ правила, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 16-го мая сего года, должны быть распространены на всѣхъ студентовъ университета, какъ вновь поступающихъ, такъ и прежде поступившихъ.

— Слухъ о выходѣ въ отставку, за выслугою 30 лѣтъ, профессоръ Петербургскаго университета: гг. Бутлерова, Березина, Менделѣева и Совѣтова, — въ настоящее время подтверждается всѣми столичными газетами.

— Надняхъ ученыхъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія выработаны слѣдующія правила: 1) никакой учебникъ не можетъ быть замѣняемъ новымъ прежде истеченія двухъ лѣтъ; 2) преподаваніе курса каждаго предмета или отдѣльной цѣльной части его (напр., ариметики, алгебры, геометріи и тригонометріи, древней исторіи, средней, новой, отечественной и т. д.) должно быть закончено по тому же учебнику, по которому оно начато. Исключеніе допускается лишь при повтореніи курса въ старшихъ классахъ; и 3) преподаватель, желающій переимѣнить учебникъ, долженъ внести въ педагогическій совѣтъ письменное заявленіе, съ обстоятельнымъ изложеніемъ причинъ переимѣн.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ передъ каникулами засѣданій вольнаго экономическаго Общества были возбуждены вопросы о созывѣ, по случаю исполняющагося въ будущемъ году двадцатипятилѣтня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, всероссійскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда для обсужденія вопросовъ крестьянскаго хозяйства. Предположеніе это встрѣчено въ средѣ нѣкоторыхъ изъ Россіи земствъ самымъ полнымъ сочувствіемъ, благодаря которому на разсмотрѣніе предстоящаго с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія будетъ внесено предложеніе: а) о назначеніи делегатовъ на съѣздъ делегатовъ отъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ; б) объ устройствѣ по соглашенію съ вольнымъ экономическимъ Обществомъ во время съѣзда сельско-хозяйственной выставки продуктовъ по преимуществу крестьянскаго хозяйства, и в) объ образованіи особой комиссіи губернскаго земства для разработки вопросовъ, которые будутъ затронуты на съѣздѣ, могущихъ имѣть полезное примѣненіе.

— „Русскія Вѣдомости“, въ своей руководящей статьѣ отъ 17-го іюля, говорятъ, что „ожидаемая въ ближайшемъ будущемъ всеобщая перепись представляется для всего крестьянскаго населенія, владѣющаго землею на общинномъ началѣ, событіемъ неизмѣримо болѣе важнымъ, чѣмъ просто перепись. Эта перепись будетъ до нѣкоторой степени критическимъ моментомъ для дальнѣйшаго такого или иного развитія общины. Во имя этой переписи, ожидаемой народомъ какъ „новой ревизіи“, должны совершиться повсемѣстно передѣлы земли на наличныя души; въ этотъ моментъ, въ понятіи крестьянъ, общинное начало относительно земли должно проявиться въ полномъ своемъ объемѣ и передъ нимъ должны ступеневаться и отступить на второй планъ всякія индивидуальныя стремленія. Община должна вступить въ свои права и возстановитъ равновѣсіе, равненіе, нарушеніе котораго терпѣлось до сихъ поръ, до этого знаменательнаго момента, какъ неизбежное зло или какъ необходимая уступка индивидуальному началу. Этого момента масса крестьянъ-общинниковъ ждетъ уже давно и до наступленія его отлагаетъ даже такіе передѣлы, необходимость которыхъ сознава большинствомъ“. Затѣмъ, развивая эту мысль и вполне подтверждая свои доводы, газета заканчиваетъ статью слѣдующими словами: „Можно желать, конечно, чтобы среди общинниковъ выработалась и окрѣпла мысль—и она уже выработывается, какъ это видно изъ происходившихъ и происходящихъ во многихъ мѣстахъ передѣлахъ земли на наличныя души—мысль о томъ, что передѣлы на наличныя души должны совершаться время отъ времени, смотря по условіямъ роста населенія и другимъ факторамъ, влияющимъ на образованіе неравномѣрности, независимо отъ какой бы то ни было ревизіи. Но до выработки такого сознанія и въ интересахъ самой выработки необходимо, чтобы предстоящая народная перепись, согласно сознанію большинства крестьянства, сопровождалась повсемѣстными передѣлами и такимъ образомъ въ сознаніи народа обновились и укрѣпились принципы общинности. Важно поэтому, чтобы при осуществленіи самой переписи не было сдѣлано ничего такого, что могло бы затормозить и парализовать указанное стремленіе крестьянъ къ передѣламъ. Несомнѣнно, что переписи придется столкнуться съ этимъ стремленіемъ, и весьма важно, чтобы правительство, въ особенности для своихъ низшихъ инстанцій, находящихя въ непосредственномъ соприкосновеніи съ

народомъ, какъ волостныя правленія, а также всяческія другія учрежденія, которыя будутъ производить перепись, заранее опредѣлили свое отношеніе къ этому стремленію и опредѣлили его въ смыслѣ поддержки общинныхъ принциповъ“.

— Въ литературныхъ кружкахъ былъ слухъ о довольно, будто бы, опасномъ состояніи здоровья извѣстнаго писателя М. Е. Щедрина (Салтыкова), находящагося въ настоящее время за границей, въ Висбаденѣ. „Новости“ же въ № отъ 30-го іюля сообщаютъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что здоровье знаменитаго сатирика улучшилось, такъ что 8-го августа онъ уже покинетъ Висбаденъ и возвратится въ Петербургъ.

— Телеграмма изъ Нижняго-Новгорода, отъ 26-го іюля, принесла извѣстіе, что ярмарка собирается тихо. Прибавить покупаютъ не менѣе прошлоаго. Сятаца отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ копейки дороже, чѣмъ въ Москвѣ; на всѣ другіе бумажные товары прибавили отъ 3 до 5 проц. Товаровъ привезено значительно менѣе прошлоаго года. По отзывамъ позволенныхъ покупателей, запасы мануфактуры на мѣстахъ истощились вслѣдствіе порядочной торговли въ маѣ, іюнѣ и іюль. Бумажною, суровой и красной пряжей торгуютъ хорошо, цѣны дороже на рубль съ пуда. Въ общемъ ярмарка ожидается средняя.

— Нижегородская сельско-хозяйственная выставка, открытая 15-го іюля 1885 года при мѣстной ярмаркѣ, имѣетъ 300 экспонентовъ и 3,500 экспонатовъ. Она находится подъ особымъ покровительствомъ Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

— Въ мірѣ московской прессы случился презабавный казусъ: нѣкій г. Ногтевъ переписалъ изъ Пушкина „Пиковую Даму“ и доставилъ рукопись въ редакцію московской газеты „Жизнь“ въ качествѣ „собственнаго“ произведенія. Редакція „Жизни“ оцѣнила несомнѣнныя достоинства „Пиковой Дамы“ и сейчасъ препроводила рукопись въ типографію. А назавтра одинъ изъ номеровъ „Жизни“ украсился произведеніемъ Пушкина „въ перепискѣ г. Ногтева“, къ удивленію читающей публики.

— Изъ деревни Байсаровой, Уфимской губерніи, пишутъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Уфимской губерніи жители, сильно возбужденные противъ кабатчиковъ, начинаютъ самовольно уничтожать кабаки, прибѣгая въ данномъ случаѣ къ помощи огня и допуская разграбленіе. Недавно жители деревни Байсаровой, Мензелинскаго уѣзда, сожгли питейное заведеніе. Теперь то же повторилось въ Белебеевскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Урметевой, гдѣ 10-го іюля, въ 2 часа ночи загорѣлся питейный домъ. Ночной караульщикъ, замѣтившій пожаръ, поспѣшилъ разбудить снажнаго приказчика, и только благодаря этому обстоятельству послѣдній не сдѣлался жертвою пламени. По окончаніи пожара, когда приказчикъ и довѣренный виноторговца хотѣли занять квартиру по соседству съ сгорѣвшимъ домомъ, то протестующая толпа начала угрожать домовладѣльцу, соглашавшемуся уступить свой домъ подъ квартиру „заведенія“.

— Въ виду того, что въ Петербургской губерніи существуетъ громадное количество совершенно безземельныхъ крестьянъ, отягощающихъ сельскія общества, въ предстоящемъ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, по словамъ одной изъ петербургскихъ газетъ, будетъ возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ предъ правительствомъ объ изданіи законенія, въ силу котораго подобные крестьяне переселились бы на счетъ земства и сельскихъ обществъ, съ пособіемъ отъ государственной казны, по возможности на казенныя земли, отдаваемые имъ въ пользованіе, а въ случаѣ невозможности этого на приобретаемыя для того у частныхъ владѣльцевъ земли. При нежеланіи подчиниться этому законенію безземельные крестьяне должны быть перечисляемы въ городскія сословія. Съ цѣлью привлеченія къ переселенію большаго числа безземельныхъ крестьянъ предполагается ходатайствовать, кромѣ того, о предоставленіи переселенцамъ на извѣстное число лѣтъ льготы отъ всякихъ денежныхъ повинностей.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Амуръ и Уссурийскій край. 1885 года, Москва. Комитетъ грамотности Императорскаго московскаго Общества сельскаго хозяйства недавно выпустилъ въ свѣтъ вышеозначенную книгу, предпославъ въ введеніи къ ней слѣдующія слова: «2-го ноября 1885 года, исполнени двадцать пять лѣтъ со дня окончательнаго присоединенія къ Россіи Амурскаго и Уссурийскаго края по Пекинскому договору. Какъ этотъ край, какъ живетъ тамъ нашимъ переселенцамъ и что успѣли мы въ немъ сдѣлать,—любопытно знать каждому русскому человѣку. Предлагаемая книга и назначена для желающихъ съ этимъ ознакомиться въ общедоступныхъ очеркахъ». Цѣль изданія ясна и съ точки зрѣнія именно этой цѣли, мы себѣ позволимъ сказать объ изданной книжкѣ нѣсколько словъ. Безспорно, что изданія такихъ популярныи книгъ, которыя даю русскому человѣку точныя свѣдѣнія, какъ о тѣхъ мѣстахъ, куда онъ, ради исканія земли, идетъ наобумъ, мечтаетъ о какомъ-то «Вълюдождѣ», такъ и о способахъ передвиженія, вмѣсто его неопредѣленнаго «карташъ», являютсѣ дѣломъ весьма желательнымъ и почетнымъ. Но на подобное изданіе должно быть обращено особое серьезное вниманіе, въ виду ответственности за неполныя или невѣрныя свѣдѣнія о мадонзвѣтныхъ странахъ. Этотъ трудъ долженъ принадлежать вполнѣ компетентнымъ лицамъ. Вышедшая книжка далека отъ этого опредѣленія. Вѣдныя историческія очерки занятія сибирской страны и Амурскаго края, не играющей, впрочемъ, въ этой книжкѣ особенной роли, имѣетъ много погрѣшностей; крайне неполныя и неточныя свѣдѣнія объ экономической жизни населенія не даютъ опредѣленнаго понятія, а отсутствіе необходимыхъ для желающихъ переселиться практическихъ указаній лишаетъ всякаго значенія книжку. Изъ общаго, хотя она даетъ кое-какія свѣдѣнія, почернутая по вѣзмъ даннымъ назъ устарѣвшихъ книгъ, но не въ состояніи разсѣять взлюбленной мысли мужика объ его неопредѣленномъ «Вълюдождѣ»... Далекій край и путь къ нему останутся для него такою же тѣга исогнѣта, каковой и были до сего времени. Книжка издана очень чисто, снабжена портретами графа Муравьева-Амурскаго и митрополита Иннокентія и нѣсколькими рисунками. Очень жаль, что составитель, не знавшій далекаго края, не воспользовался болѣе подробными и болѣе свѣжими матеріалами, а таковыхъ объ Амурекомъ краѣ довольно. Мысль же—въ память 25-ти лѣтій дать книжку съ указанной цѣлью, бесспорно, похвально, благая, и мы надѣемся, что этой мыслью съ успѣхомъ можетъ воспользоваться недавно образовавшееся во Владивостокѣ Общество наученія Амурскаго края.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ

ЕРЕВОДЧИКЪ-ТЕРДЖИМАНЪ,

издающейсѣ на русскомъ и татарскомъ языкѣ, въ городѣ Бахчисараѣ.

Редакція имѣетъ честь довести до общаго свѣдѣнія, что вслѣдствіе разрѣшенія правительства «Переводчикъ» съ 1-го сентября будетъ выходить вмѣсто одного два раза въ недѣлю, по пятницамъ и понедѣльникамъ; а до того изданіе приостанавливается. Подписчики ежедневнаго изданія получаютъ остальные нумера новымъ изданіемъ полностью.

Программа «Переводчика» обвиняетъ отдѣлы officialный, отечественный, иностранной жизни и политики, телеграфный, литературный, торговый и объявленій. Въ важнѣйшихъ мусульманскихъ центрахъ Россіи, газета будетъ имѣть постоянныхъ корреспондентовъ, также какъ въ Бухарѣ, Тегеранѣ и Константинополѣ. Въ фельетонахъ газеты будетъ помѣщенъ большой оригинальный романъ изъ жизни мусульманъ Россіи и ихъ молодого поколѣнія, принадлежащій перу начинающаго талантливаго писателя Искендерова.

Подписка на новое изданіе (два раза въ недѣлю) открыта въ конторѣ редакціи, въ Бахчисараѣ. Съ пересылкой цѣна за годъ 6 руб., за полгода 4 руб., за три мѣсяца 2 руб.

Редакторъ издатель Исмаиль Гасприйскій.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 13.

Высочайше утвержденное 20 марта 1881 года.

Основной капиталъ	Р. 4.000,000
Капиталъ резервныхъ премій	„ 1.300,000
Итого	Р. 5.300,000

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА ДОВОДИТЬ ДО ОБЩАГО СВѣДѢНІЯ, ЧТО ОНО УЧРЕДИЛО

Главное Агентство для Сибири въ г. Томскѣ

и назначило завѣдывающимъ Главнымъ Агентствомъ съ правомъ выдачи за свою подписью полисовъ по страхованію отъ огня

Витольда Викентьевича Кауповича и помощникомъ его Александра Терентьевича Шкильдера.

Главными инспекторами при Главномъ Агентствѣ въ Сибири состоятъ:

Венедиктъ Петровичъ Старжевскій и Оскаръ Антоновичъ Фреймутъ.

Архитекторомъ Главнаго Агентства состоитъ архитекторъ-художникъ Иванъ Терентьевичъ Соловкинъ.

Ссылаясь на вышеприведенное объявленіе Правленія Страховаго Общества „Россія“, имѣю честь заявить, что операциі Главнаго Агентства какъ по страхованію отъ огня, такъ и по страхованію жизни (т. е. капиталовъ и доходовъ) мною открыты.

Контора Главнаго Агентства помѣщается въ городѣ Томскѣ, по Почтамтской улицѣ, въ домѣ томскаго 1-й гильдіи купца Федора Харлампьевича Пушкинова и открыта ежедневно отъ 10 до 5 часовъ дня, за исключеніемъ воскресныхъ дней.

Главный Агентъ В. Кауповичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. АМЕРИКАНКА,

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки, въ обыкновенной компактной водѣ, бѣлья. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь—8 р. При каждомъ снарядѣ предлагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Страховаго Общества, В. Шлемензону, въ Симферополь.

ОТЗЫВЪ ВОСЕМНАДЦАТИ.

М. Г. Веніаминъ Ильичъ! „Американка“ есть сущее благодѣяніе для небогатыхъ людей, а вы распространитель ихъ,—благодѣтель. Спасибо,—великое вамъ спасибо, за истинно полезный вашъ трудъ по распространенію „американокъ“. Приглашалъ при семь пять рублей, покорно прошу по ниже слѣдующему адресу выслать мнѣ еще другой экземпляръ „американки“ и будьте добрыи людямъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Адресъ: Шостенскій пороховой заводъ, свѣцъ Лаврентію Ивановичу Нѣжинцову. 7-го мая 1885 года, Шостка. В. П. С. Благодарный свѣцъ Лаврентій Нѣжинцовъ.

(Подлинныя отзывы хранятся при дѣлахъ редакціи «Тавр. Губ. Видом.»)

Фабричное клеймо на снарядѣ: «В. Шлемензонъ—Симферополь».